

Чарльз Адамс

ВЛИЯНИЕ НАЛОГОВ

НА СТАНОВЛЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ

ФОНД ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ

Комитет гражданских инициатив

Чарльз Адамс

**Влияние налогов на
становление цивилизации**

«Интермедиатор»

Адамс Ч.

Влияние налогов на становление цивилизации / Ч. Адамс —
«Интермедиатор»,

ISBN 978-5-91603-606-0

Написанию этой книги автор посвятил более 20 лет, выясняя, каким образом налоги повлияли на ход истории. В книге рассматриваются ключевые эпизоды налоговой политики в различные эпохи и в самых разных странах. Начиная с Древнего Египта вплоть до наших дней автор препарировывает методы и обоснования, используемые правителями и правительствами для обирания своих подданных. С налогами связаны появление и исчезновение государств и империй; в связи с налогообложением появились прообразы нынешних парламентов. Автор выражает сожаление по поводу уровня современных дискуссий о налогообложении, из которых совершенно исчезли темы, аргументы и вообще знание, наработанное великими мыслителями эпохи Просвещения, которые обсуждали налогообложение в связи с деспотизмом и процветанием, их интересовало благо всей страны, а не «бюджетная эффективность» и интересы отдельных отраслей и групп населения.

ISBN 978-5-91603-606-0

© Адамс Ч.
© Интермедиатор

Содержание

Предисловие	6
Предисловие ко второму изданию	8
Введение	11
Часть I	14
1. Древний Египет: вездесущие писцы	16
2. Розеттский камень говорит и рассказывает историю о налогах	24
3. Эпоха налогового террора – и неукротимая борьба древних израильтян против налогов	30
4	37
5	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Чарльз Адамс

Влияние налогов на становление цивилизации

Нашим детям в XXI веке – в надежде, что они проявят изобретательность и создадут налоговую систему, свободную от изъянов, свойственных той системе, при которой мы живем сегодня.

© Мысль, перевод, 2018

© Комитет гражданских инициатив, 2018

Предисловие

В 1892 г. Чарльз У. Адамс опубликовал замечательную книгу под названием «Fight, Flight, Fraud: The Story of Taxation» («Борьба, бегство, обман. Занимательная история налогообложения»). У меня есть два экземпляра. Для удобства один я держу в своем рабочем кабинете в качестве справочника, а другой дома (я заменяю их двумя экземплярами этой книги «На благо и во зло. Влияние налогов на развитие цивилизации»). В моих собственных исследованиях я часто обращаюсь к этим книгам за примерами налогового безрассудства и библиографическими сведениями. Исходя из моего 15-летнего опыта профессиональных исследований и написания работ о налогообложении, я могу совершенно искренне сказать, что отдаю истории налогообложения в интерпретации Чарльза Адамса безусловное первое место в любом списке литературы по этой теме.

«Борьба, бегство, обман» – увлекательный, информативный и чрезвычайно поучительный рассказ о том, чем так важны налоги. Мне доставляет удовольствие сообщить всем и каждому, что зарождение письменной истории неразрывно связано с налоговым гнетом. На самой ее заре, более шести тысяч лет тому назад, появились глиняные клинописные таблички, впоследствии раскопанные в шумерском городе-государстве Лагаш; он располагался на плодородной равнине в междуречье Тигра и Евфрата (современный Ирак). И что же сообщают нам эти таблички? А то, что шумерам приходилось бояться сборщиков налогов куда больше, чем своих господ и царей. *Plus ça change, plus de la meme chose!*¹

И таких любимых историй у меня много. Вот, например, Розеттский камень. Его текст написан иероглифами, демотическим письмом и повторен по-гречески, что и позволило расшифровать древнеегипетские иероглифы. А ведь фактически в тексте содержится благодарность за предоставление налогового иммунитета. Именно поэтому он и был выбит на камне, а не написан на папирусе.

Еще один пример – процветавший остров Родос, который взимал 2 %-ную портовую пошлину на торговлю. Через год после того, как Рим учредил беспошлинный порт на острове Делос, Родос потерял 85 % своих доходов. Не война, а свобода торговли позволила Риму свергнуть торговое господство Родоса. Сам же Рим пал не под ударами гуннов, а по причине массового уклонения от налогов: богатые землевладельцы изобретали одну хитрую схему за другой, чтобы не платить их, и оставили государство без средств на защиту. «Борьба, бегство, обман» – настоящий клад для производителей телесериалов.

Спустя 10 лет Чарльз Адамс представил на этом континенте новую историю налогообложения. В книге «На благо и во зло» новые материалы и несколько новых глав добавлены к и так уже чрезвычайно внушительному аналитическому и описательному содержанию, которое охватывает древние цивилизации, греко-римскую эпоху, Средние века, развивавшиеся государства Западной и Восточной Европы, ацтеков и историю налогообложения в Америке. Одна новая глава описывает экономические чудеса Японии, Гонконга, Сингапура, Тайваня и Южной Кореи, которые ввели политику низконалоговой экономической теории предложения за десятилетия до того, как Рональд Рейган популяризировал этот термин. Другая новая глава повествует о том, как конституции штатов активно защищают налогоплательщиков, предоставляя им конституционное право контролировать налогообложение и расходы. Пожалуй, самой известной из таких поправок является «Предложение 13», детище покойного Говарда Джарвиса; она ограничивает налог на недвижимость в штате Калифорния 1 % денежной стоимости жилища.

¹ «Чем больше все меняется, тем больше все остается по-старому». Высказывание принадлежит французскому писателю Жану-Батисту Альфонсу Карру (1808–1890). – *Прим. перев.*

Адамс также добавил новую главу об «Укрощении монстра». Он предлагает ряд реформ – естественно, в пользу налогоплательщиков, – чтобы налоги работали на благо, а не во зло. Он предлагает считать налоговое вымогательство со стороны государственных должностных лиц уголовным преступлением, разрешить налогоплательщикам подавать в суд на неправомерные действия налоговых органов и предоставить избирателям право отзыва окружных руководителей Налоговой службы США. Пожалуй, самая важная реформа предполагает переход от прямого налогообложения к косвенному, что позволит свести к минимуму возможности государства вторгаться в частные дела граждан.

А моя излюбленная идея состоит в том, чтобы отправить на свалку всю систему федерального налогообложения США и заменить ее единой плоской шкалой налогообложения в 10 % и без всяких «эксклюзивных» послаблений. Единый 10 %-ный налог хорошо обоснован многими тысячами лет истории Израиля, Рима, Греции и Древнего Китая.

Десять лет, отделяющие друг от друга работы «Борьба, бегство, обман» и «На благо и во зло», были проведены автором с большой пользой. Он предлагает читателям ряд наблюдений, почерпнутых из истории налогообложения. Во-первых, хорошие налоговые системы имеют свойство портиться, если граждане не способны возразить правительствам, которые всегда склонны приравнивать государственные расходы не к реальному содержимому кошелька, а к своим ненасытным аппетитам. Во-вторых, цивилизации свойственно разрушать себя путем чрезмерного налогообложения. В-третьих, при разработке и введении любой системы налогообложения важным принципом является умеренность. Принцип умеренности включает в себя выбор налоговых ставок и наказаний за уклонение от налогов, настойчивость в сборе налогов и по возможности равное отношение к налогоплательщикам, избегающее слишком прогрессивных или слишком регрессивных шкал налогообложения.

Приятного чтения! И будем надеяться, что наши избранные, назначенные или, как тоже бывает, самозванные правители прислушаются к советам и предостережениям Адамса.

Элвин Рабушка, старший научный сотрудник,
Институт Гувера, Стэнфордский университет,
1993

Предисловие ко второму изданию

Вскоре после выхода первого издания этой книги профессор Элвин Рабушка посоветовал мне подготовить исправленное издание. Тогда эта книга будет оставаться классической работой, а я при этом смогу внести те дополнения и уточнения, которые, вероятно, со временем понадобятся. Я последовал этому совету, принял во внимание произошедшие перемены, провел новые изыскания и учел предложения многих читателей, которые дали себе труд связаться со мной. Они указали мне на целый ряд вопросов, которые их тоже интересовали и, по их мнению, нуждались в новом подходе. Кроме того, поскольку в конце книги я говорю не об исторических, а о текущих событиях, было совершенно неизбежно, что их дальнейшее развитие окажется не совсем таким, как я ожидал, и подтвердит правильность японской пословицы, гласящей, что главная ценность жизни заключается в ее переменчивости.

Самым значительным и неожиданным событием этого десятилетия стал крах того, что я называл «экономическими чудесами» Азии. Еще несколько лет назад никто не предвидел резкого падения их валют, пагубно сказавшегося на экономике². Корпоративная Япония была не просто равным конкурентом западных экономик; она была потрясающим экономическим гигантом, который бросал вызов любым конкурентам и, как правило, их побеждал. Теперь Япония вместе с другими азиатскими «тиграми» переживает спад, и мы вновь убеждаемся, что в этом мире одной только разумной налоговой политики недостаточно для процветания. Для устойчивого процветания правильная финансовая политика и надежная банковская система необходимы не меньше, чем хорошее налоговое законодательство. Мою новую главу об Азии вполне можно было назвать «Чудеса закончились». Однако, я думаю, рано или поздно азиатские страны наведут порядок в своих финансовых делах, прекратят неразборчивое кредитование и снова займут господствующее положение в мире коммерции.

Мое особое внимание привлекли критики, которым не понравилось, что я так высоко ставлю Елизавету I, ее налоговую и финансовую политику. Наверное, у доброй королевы Бесс немало ненавистников в этом мире, и им не терпится побольнее попрекнуть ее царствование. Поэтому я решил внимательнее присмотреться к финансовым реалиям той эпохи и проверить, действительно ли у недругов Елизаветы есть основания для такой позиции. Я не изменил своего мнения. Более того, я нашел ее еще более мудрым и достойным монархом, чем первоначально считал. Тогда я назвал ее величайшим монархом Европы; теперь я думаю, что она была самым лучшим монархом из всех без исключения.

Мое мнение, что именно налоги, а не рабство, вызвали Гражданскую войну в Америке, подтвердил журнал «American Heritage» (июнь 1996 г.): «главной причиной Гражданской войны была пошлина, тогда фактически выполнявшая функцию федеральных налогов». В этой главе я добавил и уточнил ряд материалов, которые, надеюсь, читатель найдет интересными.

Также я сильно заинтересовался работами о рабстве, – о налоговом рабстве, – столь заметном еще в эпоху отцов-основателей. Существует ли этот вид рабства и сейчас? И что именно имели в виду авторы этих работ? Я решил немного углубиться в этот вопрос. В XIX в. у нас была система рабского труда для меньшинства, а именно для африканцев, но избавились ли мы от этого вида рабства только для того, чтобы обнаружить, что мы ввели налоговое рабство для большинства?

Рассматривая налоги Древнего мира, в первом издании я обошел вниманием Китай, чья цивилизация насчитывает 3 тыс. лет. Эта цивилизация известна своей мудростью и своими мудрецами, и читатель убедится, что эти люди проявляли мудрость также в вопросах налогообложения.

² Имеется в виду азиатский финансовый кризис 1997–1998 гг. – *Прим. ред.*

По сравнению с 1980-ми годами налоговая реформа стала гораздо более насущной, но есть ли у нас хоть какой-то шанс избавиться от подоходного налога? Нашей действующей администрации подоходный налог нравится «таким, каков он есть». Ведущие средства массовой информации уклоняются от обсуждения налоговой реформы и прегрешений Налоговой службы США и возвращаются к этой теме только тогда, когда их вынуждают слушания в Конгрессе. Мы ушли из Вьетнама лишь после того, как крупные вещательные компании, и в частности Уолтер Кронкайт, пришли к выводу, что эта война бессмысленна и безнадежна. И когда нынешние медийные профессионалы, от которых так сильно зависит формирование общественного мнения, наконец присоединятся к движению за упразднение подоходного налога, тогда мы, вероятно, сможем надеяться на реальные перемены.

К настоящему времени я работаю над темой этой книги уже почти 30 лет. Мои занятия имеют два главных истока. Первый – это мой, если можно так сказать, боевой опыт налогового специалиста; второй – несколько замечательных лет преподавания истории в небольшом колледже для студентов из стран третьего мира. В ходе осуществления этого замысла мое внимание привлекла роль налогообложения во многих важных исторических событиях. Когда я углубился в тему, я обнаружил, что несмотря на первостепенную важность налогообложения в цивилизованной жизни, оно очень мало изучено как отдельное целое, как сила, формирующая цивилизацию и направляющая ее развитие. Задача моего исследования состоит в том, чтобы выделить налогообложение как самостоятельный предмет и рассмотреть его как одну из наиболее мощных сил, от которых зависела в прошлом и сейчас зависит структура общества.

Поэтому неудивительно, что эта книга не относится ни к одному разряду признанных научных дисциплин. В Америке нет категории ученых, которые посвятили жизнь исследованию обширной области истории налогов и цивилизационного значения налоговых конфликтов.

Просто поразительно, что наши мощные научные учреждения никогда не занимались исследованием истории налогов. У нас еще нет профессиональных историков налогообложения. Мы разработали целые курсы и даже программы специализации по таким темам, как геи и лесбиянки, мультикультурализм, изучение женщин, изучение чернокожих, экология; вскоре, видимо, наступит черед исследования латиноамериканцев, поскольку их доля в населении продолжает расти. Но налоги, это топливо, на котором работает двигатель цивилизации, эта сила, направляющая и формирующая цивилизацию, никогда не выделялись в отдельный предмет изучения, во всяком случае в нашей стране. А вот во многих известных университетах Европы, например в Амстердамском и Лейденском, не только читаются курсы по истории налогов, но и существуют постоянные профессорские должности по этой дисциплине. Тем, кто впервые их занимает, на официальной церемонии вручают профессорскую шапочку и мантию; вновь назначенные профессора произносят инаугурационную речь, которая затем в виде печатной брошюры представляется научному сообществу. Возможно, текущая неразбериха в нашей налоговой системе является следствием незнания истории налогообложения, заметного на всех уровнях – от правительства и университетов до рядовых граждан. Если знание истории делает людей мудрее, то неудивительно, что в области налоговой политики нам не хватает мудрости.

Книга со столь широкой исторической перспективой, естественно, в значительной мере основана на данных и выводах других исследователей. Я стремлюсь излагать и интерпретировать самые важные факты в свете того, что о них уже написано. Если специалисты расходятся во мнениях, я поневоле делаю выбор. Несколько лет назад одного автора похвалили за оригинальную работу. Он сказал, что его работу можно сравнить с ниткой жемчуга, в которой лично ему принадлежит только сама нитка. То же самое относится и к моему исследованию.

Нанизывание жемчужин налоговой истории цивилизации оказалось увлекательнейшим занятием. Эта история, конечно, в высшей степени серьезна, но была у нее и светлая сторона.

Поэтому в тексте книги много занимательных эпизодов, много иллюстраций и карикатур, которые должны сделать чтение приятным³.

Частям книги предпосланы введения, которые помогают сориентировать читателя. Ход повествования прерывается ради комментариев и сравнений с современным налогообложением. Из налоговых битв наших предков можно извлечь немало поучительных уроков, и я провожу параллели, когда нахожу это важным. Древние историки в совершенстве владели умением делать экскурсы, отступающие от основной темы; поэтому их так увлекательно читать, даже если события кажутся слишком далекими от нашего времени. Отступления необходимы, если, как считали древние историки, история должна учить. Эти люди полагали, что знание прошлого – лучший проводник человека в будущее: «Оно позволит людям действовать более осмотрительно и избегать ошибок» (Michael Grant, *The Ancient Historians* [London, 1970], p. 78).

В конце книги я помещаю несколько очень личных глав; в них представлены мое понимание недостатков налогообложения, от которых страдают граждане Западного мира, и мои предложения по устранению этих недостатков.

Я хочу выразить признательность за поддержку, полученную мною от моих коллег по профессии, в том числе от некоторых моих друзей из налоговой службы. Я хочу поблагодарить многих моих читателей: они укрепили мое намерение пересмотреть книгу и привести ее в соответствие с текущей реальностью. Я хочу поблагодарить моего редактора Джин Донелсон за ее квалифицированную работу и необычайное терпение, проявленное к автору, который не знает, когда ему пора уже прекратить собирать материалы и начать писать.

Наконец, я хочу поблагодарить многочисленных библиотекарей и помощников, здесь и в других странах; они в изобилии снабдили меня иллюстрациями, которые добавили книге вкуса и аромата. Без этих ярких фрагментов визуальной истории многие наблюдения о прошлом стали бы тусклыми или вообще потерялись. Наконец, иллюстрации составили как раз такое количество приправ, какое нужно, чтобы основное блюдо возбуждало аппетит.

³ В настоящем издании воспроизведены не все иллюстрации английского оригинала. – *Прим. ред.*

Введение

Предположение, что налоги являются главной движущей силой истории, значительно более правдоподобно, чем многие объяснения исторического процесса, апеллирующие к другим факторам, среди которых встречаются, откровенно говоря, явные нелепости: суперрасизм, климат, божественное вмешательство, классовая борьба, жизненные циклы, великие герои и прочее в таком роде. Применительно к каким-то историческим эпизодам некоторые из подобных теорий бывают отчасти верными. Действительно, иногда появлялись великие и могущественные деятели, двигавшие цивилизацию вперед, но гораздо чаще такие герои не находятся, и мир ведут за собой негодяи, глупцы и посредственности. Вожди, подобные Моисею, – вообще явление редкое, и особенно редкое в те моменты, когда такие вожди больше всего нужны. А налоги вездесущи и порой сильно влияют на нашу жизнь – на благо или во зло. Процветание и упадок стран всегда были связаны с налоговым фактором, и это мы вновь и вновь увидим во время нашего путешествия по истории. Человеческие права страдали даже больше, чем страны: что налоговый инспектор желает, то он и получает, в том числе нашу свободу, если захочет.

Хотя налоги подчас играли важнейшую роль в ходе развития цивилизации, я не собираюсь на этом основании утверждать, что налогообложение способно стать основой новой философии истории.

Многие ученые люди, особенно в последние несколько столетий, заявляли, что обнаружили интригу, принцип или даже силу, которые направляют ход истории. Я решительно воздерживаюсь от такой претензии. Все, что я попытался сделать, – это наделить налогообложение статусом, которого оно заслуживает как важный фактор, формирующий и направляющий цивилизацию, и как сила, способная действовать на благо и во зло.

Налоги – мощный инструмент воздействия на людей, более мощный, чем могут или хотят представлять себе правители и правительства. Озлобленные налогоплательщики способны стать смертельной угрозой для властей, которые вводят невыносимые налоги. Налогоплательщики, естественно, восстают: первая предупредительная фаза восстания – массовое уклонение от налогов и попытки так спрятаться, чтобы вообще ничего не платить; на второй фазе вспыхивают бунты, а с третьей на сцену выходит насилие. Любое правительство может привести себя к катастрофе, если будет слишком сильно давить на налогоплательщиков. Когда наступает первая фаза, власти принимают «жесткие меры» против непокорных налогоплательщиков. В прежние времена, как отмечал английский юрист Блэкстон, для этого привлекался палач с соответствующими пыточными инструментами. В наши дни творцы налогов предпочитают терроризировать налогоплательщиков всевозможными уголовными наказаниями.

От так называемого «тупого, ущербного налогообложения» (*dumb taxation*) первой всегда страдает свобода, а второй жертвой становятся богатство и сила страны. Налогообложение, которое мы называем неразумным или глупым, римляне называли «тяжким гнетом»⁴. <Президент США в 1797–1801 гг.> Джон Адамс использовал выражение «разорительное налогообложение»⁵ для характеристики британских налогов, которые зажгли пламя Американской революции, а Джон Стюарт Милль называл прогрессивный подоходный налог «узаконенным грабежом»⁶.

Слово «*dumb*» мы здесь используем и в значении, которое шире разговорного, т. е. выходит за рамки обычных коннотаций «глупый, дурацкий, бестолковый» (*stupid*). «*Dumb*»

⁴ A. H. M. Jones, *The Roman Economy* (Oxford, 1974), p. 86.

⁵ Adrienne Koch and William Peder, eds., *The Selected Works of John and John Quincy Adams* (New York, 1946), pp. 24–27.

⁶ John Stuart Mill, *Principles of Political Economy* (New York, 1961, reprint of 1885 edition), p. 808, n. 2.

означает также ущербность, лишенность существенно важного свойства. В прошлые времена выражение «dumb ship», «неполноценный корабль», обозначало баржу, поскольку она, в отличие от полноценных кораблей, не имела парусов. «Тупое, ущербное налогообложение» таково потому, что тоже отличается отсутствием существенно важного свойства. Вместо того чтобы увеличивать возможности и благосостояние людей (для чего, по идее, и предназначено налогообложение), «тупые налоги» ослабляют и даже разрушают социальный порядок, который они, по идее, призваны защищать и укреплять. По причине неспособности решать эту последнюю задачу они и являются «тупыми» и «ущербными».

Мы рассмотрим многие важные исторические события с пристальным вниманием к сборщику налогов и одновременно многое узнаем о человеке, восстающем против налогов. И когда мы увидим, какова была степень непокорности наших далеких предков, мы не сможем не осознать, какой мощной силой являются налоги в истории цивилизации. Сейчас наша непокорность неожиданно и, если сравнивать с нашими предками, не без урона для нашего достоинства приняла куда более мягкие формы (разве, может быть, только в Китае еще сохранился прежний бунтарский дух). Мы трепещем перед налоговым инспектором, тогда как наши предки непременно злоумышляли на сборщика налогов. Но каким бы увлекательным ни было изучение человека, восстающего против налогов, еще более увлекательно, как мы увидим, изучение той роли, которую налоги сыграли в крупных исторических событиях. Нам будет представляться самоочевидным, что в большинстве великих исторических явлений и событий – таких как процветание и упадок наций, восстания и революции, свобода и рабство и, прежде всего, войны – налоговый фактор сыграл важную роль, которая легко ускользает из вида на драматическом фоне этих великих явлений.

Три истока нашей цивилизации – древние Греция, Рим и Израиль – это исторический кладезь связанных с налогообложением драматических событий. Библейский Бог, так часто наказывавший свой избранный народ, предпочитал розгу в виде налогообложения. От этих древних народов нам досталось столь дорогое нам понятие; в те далекие времена оно часто использовалось в описаниях налогового статуса города-государства.

Налоги играли очень важную роль в Китае; там император для подтверждения своей легитимности – повеления Неба – должен был придерживаться такой налоговой политики, которая соответствовала конфуцианству и даосизму.

Налоги имели важнейшее значение в Средние века и сохранили его в Новое и Новейшее время. Причиной гражданской войны в Англии, Американской и Французской революции налоги послужили в такой мере, что этот факт подчеркивается даже в учебниках для начальной школы. Если говорить о событиях Гражданской войны в Америке, то сравнительно редко упоминается то обстоятельство, что именно проблема налогов побудила Юг отделиться, а Линкольна – начать войну с Конфедерацией. Рабство и его отмена составляли, конечно, большую проблему, но если бы вы могли в 1861 г. спросить у большинства южан, из-за чего *на самом деле* началась война, честным ответом был бы такой: из-за налогов. Рабство, как и сохранение Американского союза, фактически были только предложениями.

В конце нашего исторического исследования мы попытаемся подвести общие итоги и определить направление развития в рамках перспективы, охватывающей пять тысяч лет истории. Если мы хотим сохранить и передать нашим детям свободу, унаследованную от предков и составляющую предмет нашей гордости, во всех ее формах, мы должны сосредоточить внимание на нашей налоговой системе и приведенных нами в движение разрушительных силах – гораздо более опасных, чем любая внешняя агрессия.

«НАЛОГИ – НАША ПЛАТА ЗА ЦИВИЛИЗОВАННОЕ ОБЩЕСТВО», – ГЛАСЯТ СЛОВА ОЛИВЕРА ХОЛМСА НА НАДПИСИ, ПОМЕЩЕННОЙ НАД ВХОДОМ В ШТАБ-КВАРТИРУ НАЛОГОВОЙ СЛУЖБЫ В ВАШИНГТОНЕ. ОДНАКО ОТ ТОГО, КАК МЫ ПОЛУЧАЕМ НАЛОГИ И КАК ИХ ТРАТИМ, В ОГРОМНОЙ

МЕРЕ ЗАВИСИТ, КАКИЕ МЫ ЛЮДИ: ПРЕУСПЕВАЮЩИЕ ИЛИ БЕДНЫЕ, СВОБОДНЫЕ ИЛИ ПОРАБОЩЕННЫЕ, А САМОЕ ГЛАВНОЕ – ХОРОШИЕ ИЛИ ПЛОХИЕ.

©Copyright New Yorker

Надпись на двери «Служба внутренних доходов» (налоговая служба США).

Часть I

Налоги: что они собой представляют и где берут начало

Помещенная на предыдущей странице карикатура Джеймса Стивенсона из журнала «The New Yorker» не просто забавна, а еще и наполнена глубоким смыслом: она объясняет, что такое налоги, и наглядно показывает, как люди относились к налогам с самого начала известной нам истории человечества. Если внести в эту карикатуру соответствующие изменения, она вызвала бы понимающую улыбку у налогоплательщиков Древнего Рима и у граждан многих других обществ с высокими налогами, существовавших в разные времена. Уподобление налога грабежу, образно представленное в этой карикатуре, было распространенным за много веков до новой эры.

Сходство между сборщиками налогов и грабителями просматривается и в базовом значении слова «налог», что означает принудительное изъятие (exaction), причем принуждение имеет насильственный характер. Родственное слово «вымогательство» (extortion) наделено схожим оттенком смысла – «выкручивание рук». Налоги – не долги, хотя мы часто по легкомыслию считаем их таковыми. В основе понятия долга, могущего быть взысканным на законном основании, лежит принцип получения справедливой ценности, который никакого отношения к налогообложению не имеет. Мы обязаны платить налоги потому, что так приказывает государство, и никакой другой причины для этого нет. Итак, по сути своей налог – это осуществляемое государством изъятие денег, собственности или даже услуг без какой-либо компенсации. Если государство изымает землю, чтобы построить школу, и платит за землю, такое изъятие не является налогом.

Во все времена люди безотчетно отождествляли сборщиков налогов с грабителями, поскольку сборщики действуют путем угроз и запугивания, а за взятое не платят. Отсюда следует, что сравнение с грабежом отнюдь не настолько безосновательно, как может показаться. В нашем эмоциональном представлении сборщик налогов – этакий бюрократический Робин Гуд, который берет деньги всюду, где их находит, и, как Робин Гуд, часто делает с помощью этих денег немало добра. Ведь если у государства не будет доходов, оно рухнет, общество, каким мы его знаем, исчезнет, и воцарится хаос. Сборщик налогов, конечно, отличается от Робина Гуда, поскольку занимается узаконенным грабежом.

Налоги – это топливо, на котором работает двигатель цивилизации. Ни одна известная нам цивилизация не существовала без налогов. Самая первая из зафиксированных цивилизаций возникла 6 тыс. лет назад в Шумере, на плодородных равнинах в междуречье Тигра и Евфрата (территория современного Ирака). Заря истории, в том числе истории налогообложения, запечатлена на глиняных табличках, раскопанных в шумерском городе-государстве Лагаш. Во время суровой войны его жители ввели тяжелые налоги, но когда война закончилась, сборщики налогов отказались сложить свои полномочия. От края до края страны, говорят эти таблички, «всюду ходили сборщики налогов». Налогом было обложено все. Даже умершего нельзя было похоронить, не заплатив налога. Такое положение прекратилось, когда добрый царь Урукагина «установил свободу» для народа и вновь «сборщиков налогов не стало»⁷. Вероятно, это было не самое мудрое решение, поскольку вскоре после этого город был разрушен захватчиками.

⁷ Samuel Karmer, *History Begins at Sumer* (New York, 1959), ch. 7.

В табличках этой угасшей цивилизации встречается и пословица о налогах, гласящая: «Над тобой может быть господин, над тобой может быть царь, но тот, кого тебе следует бояться, – это сборщик налогов»⁸.

Очевидно, что с тех пор мало что изменилось. Мы по-прежнему боимся налогового инспектора. Свидетельство тому – недавняя американская карикатура; на ней изображен налогоплательщик, который просит своего бухгалтера завершить налоговый аудит поскорее, потому что «успокоительные таблетки кончаются».

История налогов в древние времена имеет немало примечательных параллелей в нашем мире. За 6 тыс. лет сборщики налогов и налогоплательщики не сильно изменились. Современные компьютерные системы мало в чем превосходят вездесущий надзор египетских писцов. Наше современное чувство налоговой справедливости уступает древнеримскому. Перераспределение налоговых поступлений между территориями – отнюдь не недавнее открытие; его придумали греки, и этот механизм функционировал без развитой бюрократии. Древние евреи боролись с такой формой налогового терроризма, по сравнению с которой исламский экстремизм выглядит весьма умеренным⁹.

Мы можем многому поучиться у древних, особенно в вопросе о правах человека. Свобода пошла от греков, которые считали тиранию последствием неправильной системы налогообложения. К этому убеждению греков римляне прибавили свое: в любом конфликте между свободой и налогами свобода отступит.

Если мы всмотримся в наши древние корни, у нас не останется иллюзий по поводу налогообложения и его потенциальной опасности для той самой цивилизации, которую оно, по идее, должно поддерживать. Когда мы вводим налоги, мы играем с огнем и если не проявим осмотрительности и внимания, легко можем спалить все, что выстроили, и обратить в дым наши надежды на лучший мир. С другой стороны, при надлежащем контроле налоги позволяли создавать великие государства и приносили много благ их жителям. В Древнем мире правильное налогообложение способствовало расцвету Греции, лежало в основе величия Рима и даже послужило причиной успеха и популярности Цезаря.

В международной политике древности налогообложение тоже играло основополагающую роль. Империи вступали в столкновения и сражались за право обложить налогом слабейшую сторону. Центральным пунктом мирных конференций и договоров был вопрос о том, какое количество налогов получают победители. Малые народы восставали или затевали международные козни с целью приобрести налоговые выгоды.

В древние времена налогообложение было самым важным делом цивилизации. На всех уровнях жизнь становилась в первую очередь налоговой борьбой. И вот как это происходило.

⁸ M. Davidson, L. Cottrel, eds., *Lost Worlds* (New York, 1962), p. 154.

⁹ Первое издание книги вышло в 1993 г., второе – в 1999 г. – *Прим. ред.*

1. Древний Египет: вездесущие писцы

*Писец выше всех остальных. Тот, кто записывает, налог не платит. Запомни это хорошо.
Египетский папирус, 1200 г. до н. э.*

Не так уж давно открытия египтологов попадали на первые полосы газет. Сообщения о затерянных гробницах, о связанных с ними проклятиях и сказочных сокровищах волновали воображение не меньше, чем сейчас космические путешествия. Интерес к тайнам Древнего Египта не исчез; группы энтузиастов по-прежнему верят, что в великих пирамидах и гробницах сокрыты тайны мироздания. Эта так называемая мудрость фараонов, возможно, имеет отвлеченный и мистический характер; гораздо конкретнее имеющиеся у нас данные по истории налогов Египта.

Египетская цивилизация выделяется длительностью своего существования. Развитая форма цивилизованной жизни на берегах Нила полностью расцвела еще до 3000 г. до н. э. и сохранялась вплоть до падения Рима. Дважды эта цивилизация переживала смутные времена – примерно в 2200 г. до н. э. и затем около 1880 г. до н. э., – но оба раза возрождала свое первоначальное величие. В XIV в. до н. э., во время и после правления фараона Эхнатона, который запомнился попыткой ввести единобожие, произошли крупные изменения в налоговой системе. Попытка заставить всех поклоняться одному богу потерпела неудачу, а налоговые новшества сохранились, и в Египте начался медленный упадок; он продолжался в течение следующей тысячи лет. За это время Египтом много раз правили чужестранцы; правда, они сами попадали под обаяние великой египетской культуры и после краткого периода ассимиляции в большинстве своем выглядели, говорили и вели себя, как египтяне. Но сколь бы ни была сильна египетская культура, египетское государство больше не смогло вернуть себе былую мощь. И этим упадком оно в первую очередь обязано налоговой системе.

Большинство из нас представляют Древний Египет как страну жестоких господ и угнетенных рабов. К этому нас приучила история Моисея в Книге Исхода. Но эта история относится к беспокойным для Египта временам. Современные переводы иероглифических текстов свидетельствуют, что жизнь в Древнем Египте, как правило, была зажиточная и мирная. Страна обладала большими богатствами, и при хорошем урожае всем всего хватало. Древний египтянин был оптимистом. Мужчины и женщины были равны; они наслаждались жизнью и друг другом. В египетской песне о любви влюбленный поет: «Если я целую ее и ее губы раскрываются, я счастлив даже без пива»¹⁰. Могущественные фараоны часто изображены рука об руку с женами; они хотели быть вместе и в посмертной жизни. Работники не находились в крепостной зависимости; первую в истории забастовку организовали египтяне, протестовавшие против задержки заработной платы. Храмы и пирамиды, возможно, были построены рабочими, исполненными любви к богам и фараонам; по схожим мотивам крестьяне строили великолепные церкви в Европе и Латинской Америке.

Основой благополучия Египта была щедрость великой реки Нил. Ее ежегодные разливы удобряли почву и в большинстве случаев обеспечивали богатый урожай. Но если Нил орошал страну раз в год, то сборщики налогов наводняли ее постоянно. Звались они писцами и держали общество такой же железной хваткой, какой коммунистическая партия правила бывшим Советским Союзом. Если шумерский Лагаш памятен свободой от сборщиков налогов, то Египет – образцовый пример страны, где этих сборщиков было «как песка морского». Поскольку

¹⁰ A. Erman, *Literature of the Ancient Egyptians* (London, 1927), p. 244.

в те древние времена понятие «свобода» обозначало налоговый статус человека, нет ничего удивительного, что ни в одном египетском диалекте такое слово не встречается.

Египтяне подметили регулярность природных явлений, включая разливы Нила и перемещение солнца по небу в течение дня и в течение года. Они заключили, что главный элемент мироздания, солнце, должно иметь своего двойника в государстве, и этот двойник – фараон. Великий фараон Сесострис I, правивший около 2000 г. до н. э., так описал свое положение: «Бог сделал меня пастухом этой земли, ибо он знал, что я сохраню в ней порядок для него». Порядок поддерживали писцы; они обеспечивали сбор налогов фараона, которые, в свою очередь, высчитывались по итогам ежегодной налоговой проверки.

Эти процедуры должны быть хорошо знакомы каждому современному налогоплательщику, который прошел через аудит. Уклонявшихся налогоплательщиков вынуждали представлять государственным инспекторам на проверку бухгалтерские книги и налоговую отчетность за прошлые периоды. Специальные исполнители обеспечивали явку с помощью дубинок, этого древнего эквивалента повестки из налоговой инспекции.

Как и нам сейчас, тогдашним египетским налогоплательщикам тоже было сложно оспорить расчеты писцов. У писцов были свои налоговые суды, а налогоплательщик даже не имел права нанять адвоката, который представлял бы его интересы ¹¹. Мы обнаружим, что судебные решения по налогам в Древнем Египте выносились с таким же несоблюдением правовых процедур, как это бывает и в наше время.

В Египте налогом облагалось все: продажи, рабы, чужестранцы, импорт, экспорт и любой бизнес. Сельскохозяйственная продукция облагалась тяжелым налогом в 20 %, причем этот налог распространялся не только на собственно урожай, но и на плоды домашних садов и любые промыслы, т. е. на доход любого происхождения, и фактически был аналогом нашего подоходного налога. Наглядным примером тирании писцов в повседневной жизни служит налог на пищевое масло. Писцы регулярно инспектировали все кухни, дабы убедиться, что хозяйки используют именно то масло, которое облагается налогом, а не какой-нибудь случайно подвернувшийся жир.

Почти все сельскохозяйственные угодья принадлежали государству и сдавались в аренду крестьянам, обязанным платить налог на урожай.

¹¹ M. Rostovtzeff, *The Social and Economic History of the Hellenistic World*, vol. 2 (Oxford, 1967), p. 1094.

Налоговые чиновники фараона – везде суют свой нос, все изучают, записывают и арестовывают, вплоть до подсчета количества яиц в голубином гнезде – чтобы фараон гарантированно получил свою 20 %-ную долю.

Налог высчитывался не по фактическому размеру урожая, а по потенциальному, каким этот урожай должен быть. Расчетной базой служил размер участка, предоставленный арендатору. Нет сомнения, что геометрия Евклида восходит к методам землемерия, разработанным писцами в далекие времена. Евклид был греком, но жил в Египте, а свои математические труды писал в Александрии. Он просто систематизировал и упорядочил египетские познания, применявшиеся для сбора налогов.

О привилегированном положении писца в египетском обществе повествует папирус, относящийся примерно к 1200 г. до н. э., т. е. к эпохе великой династии Рамсесов. Ученики просят учителя посоветовать, какое занятие им выбрать в жизни. Некоторые думают стать земледельцами. И вот что отвечает учитель: «Разве вы не знаете, в каком положении оказывается земледelec, которому нужно платить налог на урожай, хотя змеи растащили одну половину зерна, а бегемоты пожрали другую? В полях кишат мыши. На поля садится саранча. Стаи мелких птичек приносят беду земледельцу. А с тока зерно крадут воры... А писец пристает к речному берегу и высчитывает налог на урожай. Его помощники с копьями и розгами говорят, чтобы земледelec выдал зерно, – а зерна-то нет. Тогда земледельца бьют, связывают, с головой погружают в колодец и так держат. Его жену и детей тоже связывают на его глазах. Соседи отворачиваются от него. Вот чем грозит нехватка зерна. А писец – всему голова. Тот, кто записывает, не облагается налогом, он ничего не должен платить. Запомните это хорошо»¹².

Конечно, писцы не всегда были жестоки. Их учили, что чиновник великого фараона должен проявлять снисхождение к бедным и беззащитным людям. Поэтому в одном из древних текстов сказано: «Если бедный крестьянин имеет задолженность по налогам, прости ему две

¹² Alan Gardiner, «Ramesside Tests Relating to Taxation of Corn», *Journal of Egyptian Archeology*, vol. 27 (London, 1941), pp. 19–21.

трети»¹³. Другой текст призывает чиновников «ободрять всех и приводить в хорошее настроение» и предписывает, что «если кто-то сильно страдает от гнета налогов либо дошел до крайнего положения, такого не следует подвергать проверке»¹⁴.

Такая политика прощения налогов в трудные времена была достаточно распространённым явлением, и первоначально обозначалась греческим словом «philanthropa» (добрые, гуманные поступки), от которого происходит современное слово «филантропия».

В нашем обществе прощение налогов – дело неслыханное. Наши законы об облегчении долговых обязательств не имеют никакого отношения к налоговым требованиям. Большинство сборщиков налогов спокойно могут выселить вдову с десятью детьми из ее жалкого домишки и продать его. Практически все, что закон разрешает ей сохранить, – это одежда, которая на ней. Гуманность, отразившаяся в налоговых законах Древнего Египта, совершенно неведома нашему налоговому законодательству (см. United States Internal Revenue Code, Section 6334).

Фараоны наделяли писцов очень широкими полномочиями, и это время от времени создавало большие проблемы. Там, где много власти, там неизбежно есть и коррупция, – особенно если власти много у агента налоговой службы; этот урок нам еще предстоит усвоить. Фараонам пришлось завести специальную службу для надзора за коррупцией среди налоговых чиновников. Практическую работу обычных писцов контролировала группа особых писцов в главном управлении. Эти контролеры проверяли работу сборщиков на предмет того, не пытались ли последние обжулить налогоплательщиков с помощью неверных измерений площади и веса или неверных итоговых расчетов. Главная задача контролеров состояла в выявлении жалоб налогоплательщиков.

Вскоре после смерти ныне широко известного молодого фараона Тутанхамона сильный фараон по имени Хоремхеб обнаружил глубоко укоренившуюся коррупцию уже в самой спецслужбе. Ее агенты незаконно делили налоговые деньги с писцами, работавшими в полевых условиях, – теми самыми, за кем были поставлены следить. Когда до Хоремхеба дошли слухи об этом внутреннем сговоре, он провел расследование и издал девять новых законов, призванных искоренить коррупцию. Писец, найденный виновным в завышении налога, приговаривался к отрезанию носа и ссылке в необитаемый район Аравии. И это была не пустая угроза. В древних источниках есть сведения о целом поселении в Аравии, где содержались люди с обезображенными лицами. Другой фараон повысил жалованье писцам, чтобы у тех пропало искушение обогащаться за счет обмана налогоплательщиков. Но такая мера, скорее всего, только возбудила их денежные аппетиты – такова уж человеческая природа.

Мы не знаем, были ли подати египетским изобретением, но египтяне имели хорошо налаженную податную систему задолго до времен Моисея и успешно использовали ее в течение столь длительного времени, что просто удивительно, как им удавалось это делать. В поздний период подать стала уродливой формой колониализма. А в ранний период и в период расцвета египетской державы система, насколько можно судить, работала гладко и не вызывала никаких восстаний. Она была «свидетельством мягкого и не слишком навязчивого правления, которое в сочетании с неусыпной бдительностью служило главным средством создания и поддержания Египетской империи»¹⁵.

Таким образом, в самую раннюю нашу историческую эпоху подать была умным налогом и только в поздний период, примерно с 1000 г. до н. э., становится системой уродливой, жестокой и гнетущей. И эта старинная последовательность, как мы увидим, повторяется в истории. Мы убедимся, что передача сбора налогов на откуп прошла такой же путь и из разумной меры стала неразумной. В ранний период Нового времени могущество Испанской империи рухнуло,

¹³ Cyril Aldren, *The Egyptians* (New York, 1963), p. 180.

¹⁴ Victor Ehrenberg, *The Greek State* (New York, 1960), p. 153.

¹⁵ James Baikie, *A History of Egypt*, vol. 2 (London, 1929), p. 313.

когда она перешла от акцизных платежей к насильственным поборам. В XX в. наши творцы налогов проследовали тем же путем с подоходным налогом, который поначалу, в XIX в., тоже был разумной мерой.

Ранние формы подати были разовыми ежегодными платежами. Местные власти собирали их и передавали верховному правителю на торжественной церемонии. Правитель, в свою очередь, делал ответные дары властям податных городов и впечатляющим образом демонстрировал свои могущество и благосклонность. Он выступал в роли доброго опекуна, заботящегося о своих детях. Позже, в IV в. до н. э., когда подать уже давно утратила характер добровольности, началось прямое налогообложение, которое осуществляли специальные налоговые агенты. Писцы стали выезжать на податные территории для расчета и сбора налогов. По сути дела, это была уже чисто принудительная система, требовавшая строгого надзора за колониальными территориями. Уклонение от налогов пресекалось с помощью информаторов и военной силы. Информаторы получали процент от выявленных неуплаченных налогов, – точно так же, как сейчас в Америке.

Намеки на существование таких информаторов есть в Библии. В Книге Экклезиаста Иудея предстает землей, залитой слезами угнетенных. Евреи тогда находились под властью Египта, и мы можем получить представления о чувствах еврейского народа по отношению к вездесущим информаторам, помогавшим собирать египетские колониальные налоги. Шпионы фараона были повсюду, и даже «птица небесная может перенести слово» (Еккл 10, 20) человека, который тайно злословит на фараона. Налоговый гнет, писцы и доносчики – вот что проклинали евреи. Электронных жучков тогда, естественно, не было, но многочисленные осведомители писцов раз узнавали даже о тайных встречах, подслушивали и доносили. Информаторов вознаграждали, а недовольных евреев наказывали.

Фараон был земным воплощением бога. Разливы Нила и обильные урожаи приписывались его божественной силе. Даже на территориях, плативших подать, благодатные дожди считались деянием фараона, который переносил часть нильских вод на небо. Основной опорой величия и власти фараона была религия. Если его величие потускнеет, империя неизбежно рухнет, – как, собственно, это и случилось. Власть фараонов ослабела не только, так сказать, в религиозном измерении, но и в сфере налогообложения. И упадок этой древней империи служит подтверждением тезиса, сформулированного Полом Кеннеди в его известной книге «Подъем и упадок великих держав» (1987): налоговые системы утрачивают способность поддерживать империю после того, как она создана.

Крах Египта как империи пришелся на царствование знаменитого фараона Эхнатона. Он попытался ликвидировать традиционную систему многобожия и заменить ее культом одного бога, Атона, символизировавшего солнце. Это предприятие, поглотившее все силы и всю казну Эхнатона, потерпело неудачу и разрушило двухтысячелетнюю колониальную империю Египта. В результате на протяжении следующей тысячи лет Египтом фактически правили ассирийцы, вавилоняне, персы, греки и, наконец, римляне. Что же из совершенного Эхнатоном привело к такому плачевному концу? Насколько можно судить по источникам, его налоговая база сократилась вдвое, доходы упали и начался неизбежный упадок.

Сначала Эхнатон потерял богатые податные территории в Сирии и Палестине. Они достались Хеттской империи, поскольку фараон по необъяснимой причине не стал защищать эти имперские владения. До нас дошли письма посланников фараона в Сирии и Палестине; они просили фараона прислать хоть немного войск и лично посетить города, платившие подать. Просьбы остались безответными, и один египтолог объясняет это бюрократическими препонами: «По мере ухудшения ситуации в Сирии все большее сочувствие вызывает верный посланник, который старается сделать все от него зависящее... в этих тяжелейших обстоятельствах и обречен на трагическую участь.

Само его негодование по-человечески совершенно понятно и заслуживает одобрения, поскольку он резко порицает то, на что мир с тех пор жаловался постоянно, но до сих пор вынужден терпеть, – высокомерное упрямство мелких чиновников»¹⁶.

Возможно, все дело в том, что «мелкие бюрократы» из египетского управления по зарубежным делам не потрудились разъяснить Эхнатону неизбежные последствия невнимания к имперским территориям. Но возможно и другое: одержимость религиозными реформами отняла у Эхнатона всякий интерес к империи и сбору податей. Один крайне огорченный посланник напоминал, что фараон не посещал эти места уже 20 лет, и с тех пор вера местных жителей в его величие и силу почти исчезла. Для сбора подати не требовались войска, поскольку вассальные государства собирали ее из религиозных убеждений, будучи уверены, что благосклонность и благословение фараона поддержат и защитят их. Но для исправного функционирования системы требовались частые показательные мероприятия, – демонстрации военной силы, подобные советским первомайским парадом, проводившимся с целью продемонстрировать военную мощь государства всем желающим. Гитлер тоже любил парады; нет сомнения, что они запугали многих, и, возможно, именно это впечатлившее мир зрелище гигантских парадов позволило Гитлеру заключить с Чемберленом сделку в Мюнхене.

Эхнатон много лет не демонстрировал ни себя, ни свои войска. Вассальные территории потеряли веру в фараона, а его посланники были вынуждены бежать ради спасения жизни. При таком вакууме власти хеттам было нетрудно взять верх и навсегда перекрыть для Египта источник подати.

До нас дошли письма правителей этих вассальных государств с жалобами на скудость даров, полученных от фараона. Здесь перед нами раскрывается оборотная сторона податной системы: фараон направлял ответные выплаты и дары правителям, которые брали обязательство собирать подати; это была своего рода система подкупа, вполне законная в те времена. Правители, которые утрачивали веру в фараона и переставали получать богатые дары, не имели больше никаких стимулов собирать для него подати. За короткое время все богатые города Палестины и Сирии перешли под власть хеттов, а потом ассирийцев.

В самом Египте при новом фараоне все налоговые поступления уходили на перестройку старых храмов и других сооружений в соответствии с требованиями монотеистического культа Атона-Солнца. Эта программа истощила казну фараона и, по всей видимости, послужила главной причиной оскудения даров правителям вассальных земель.

Реформы Эхнатона провалились; новые правители сочли нужным снести все, что он построил, и даже разрушить его новую столицу. А влиятельное жречество решило так ослабить фараонов, чтобы те больше не представляли угрозы. Впредь фараоны должны уважать независимость и силу жрецов, и самый лучший способ добиться этого – отнять у фараонов право собирать налоги. Храмы и жрецы получили налоговый иммунитет, а будущие фараоны фактически были простыми марионетками жрецов, а в лучшем случае – ровней им. Фараон перестал быть воплощением бога для всех египтян. Он сохранил божественный статус, но больше не имел реальной власти над каждым египтянином.

Налоговый иммунитет для храмов и жрецов приобрел огромные масштабы, поскольку примерно треть всех земель Египта принадлежала храмам и получила освобождение от налогов. Древнегреческий историк Геродот совершил путешествие в Египет и в своей «Истории» сообщает, что каждый жрец имел «12 арур отборной земли, не облагаемой налогом. Арура же составляет 100 квадратных египетских локтей»¹⁷. Локоть – мера длины, приблизительно 50 см. Могущественный храм Амона в Карнаке вполне мог не считаться с фараоном, поскольку имел в своем владении 250 кв. км плодородных угодий с расположенными там деревнями.

¹⁶ Baikie, *History of Egypt*, 2, p. 299.

¹⁷ Геродот. История, II, 168; пер. Г. А. Стратановского.

Фараон Хоремхеб, первый сильный правитель после Эхнатона, подарил храмам Амона много земель, освобожденных от налога; более того, он снабдил эти земли охраной, скотом и сельскохозяйственными инструментами. В конце концов, «столь щедрое вознаграждение служителей Амона проложило путь к тирании жречества Амона, которая закончилась кончиной Египта»¹⁸. Не стало ли это освобождение от налогов, которому сопутствовала новая тирания, последним смертельным ударом?

Рядовой египетский налогоплательщик не имел никакой выгоды от соперничества между жрецами и писцами фараона. Если он жил на храмовых землях, то там работники не платили подушный налог, крестьяне – налог на урожай, но зато обязательные подношения храму были ничуть не меньше. Налоговый иммунитет наблюдается на всем протяжении истории. В Средние века главные конфликты между папами и королями возникали тогда, когда церковь отстаивала свое право не пускать к себе королевских сборщиков налогов.

Храмы и их земли были не только свободны от налогов, но и служили местом, где люди могли укрыться от светских властей и особенно от писцов. Это право убежища, как его называют, было своего рода заменителем гражданских прав и до сих пор соблюдается в международных дипломатических отношениях. Например, один венгерский кардинал прожил несколько лет в американском посольстве в Будапеште, пользуясь правом на предоставление убежища, которым по международному соглашению обладают все посольства. Чужестранцы, которые на протяжении тысячи лет вторгались в Египет и правили им, быстро отменили налоговый иммунитет храмов и положили конец непомерной власти жречества, но сохранили право убежища и в этом поступили дальновидно. Если бы они сами были свергнуты или побеждены в битве, они всегда могли укрыться в ближайшем храме и спастись. Но чаще всего правом убежища пользовались задолжавшие налогоплательщики, которые скрывались за воротами храмов, убегая от преследователей-писцов. Если налогоплательщик выигрывал гонку и оказывался в безопасности, то весьма любопытно, не возникало ли у него желание повернуться и показать язык расстроенным писцам? Многие налогоплательщики в наши дни были бы рады получить такую возможность.

История Древнего Египта показывает, что происходит в обществе, обремененном тоталитарной налоговой системой. Доносчики, коррумпированные налоговые чиновники и, самое главное, тирания вездесущего контроля – вот пороки этой системы. Любая операция, с которой можно взять налог, должна быть зафиксирована и представлена на проверку. В результате человек вынужден раскрывать каждый аспект своей жизни перед налоговой инквизицией.

Не имея нашей современной и сложной системы учета, египтяне для надзора за налоговой системой фараона использовали писцов. Писцы и собранные ими данные заменяли все, чем пользуются современные сборщики налогов, – сведения о банковских счетах, компьютеры, индивидуальные номера налогоплательщиков и многое другое. При такой системе, где бы она ни существовала, неприкосновенность частной жизни и свобода отходят на задний план. Писцы были повсюду; они выслеживали, проверяли и записывали. Подобную систему шпионажа не следует судить слишком строго. Ведь наша система фактически такая же, она служит тем же целям и использует средства и приспособления, доступные в наше время. Изменились только инструменты; система осталась прежней. Скажем, в 1975 г. Верховный суд США постановил, что федеральные налоговые агенты имеют право выяснять все, что считают нужным, действовать и высылать повестки под псевдонимом. В особом мнении судьи Поттера Стюарта подчеркивается всепроникающий характер нашей налоговой системы: «Практически все субъекты и объекты в этой стране... могут иметь налоговые проблемы. Каждый день экономика производит тысячи продаж, займов, дарений, покупок, аренд, волеизъявлений и тому подоб-

¹⁸ James Baikie, *The Amarna Age, A Study of the Crises of the Ancient World* (London, 1926), p. 428.

ного, которые могут принести кому-нибудь налоговые проблемы. Наша экономика завязана на налоги почти в любом своем аспекте» (*U.S. v. Biscaglia*, 420 U.S. 141, 156 [1975]).

Агент налоговой службы, работавший под псевдонимом, написал следующее: «Нет такой важной информации в отношении вас, которую я не имею права выяснять»¹⁹. Разве не тот же самый подход господствовал в налоговой системе Древнего Египта? И разве наши налоговые аудиторы не напоминают почти во всех деталях вездесущих писцов фараона?

¹⁹ Diogenes, *The April Game* (Chicago, 1973), p. 122.

2. Розеттский камень говорит и рассказывает историю о налогах

Долги по налогам, которыми обложены люди Египта, он [Птолемей V] простил, в количестве чрезвычайном, но точно не известном.

Розеттский камень, 200 г. до н. э.

После блестящей Итальянской кампании Наполеон решил завоевать Египет. Очень скоро англичане поставили французскую армию в тяжелое положение. Однако французы успели обшарить немало гробниц и отправить во Францию столько древних реликвий, сколько можно было увезти. Когда эти вещи попали в распоряжение высшего общества Европы, родилась египтология.

С обнаружением Розеттского камня домыслы о Древнем Египте уступили место объективному знанию. Камень был найден французским офицером неподалеку от города Розетта в Северном Египте. Наполеон приказал скопировать надписи и отправить копии в Европу.

В 1801 г. французы потерпели поражение в Египте, камень достался англичанам и с тех пор находится в экспозиции Британского музея в Лондоне. Он представляет собой плиту из черного базальта, твердой породы вулканического происхождения. Текст вырезан в трех вариантах: верхняя надпись сделана иероглифами, средняя – демотическим письмом (которое к моменту обнаружения камня тоже давно вышло из употребления), нижняя – древнегреческим письмом. С помощью этой последней надписи удалось расшифровать две первые.

От египтян дошли многочисленные тексты, которые теперь становились понятными и раскрывали реальную картину жизни в Древнем Египте.

Большинству из нас о Розеттском камне рассказывали на первых уроках по географии и древней истории. Этот камень – самая важная находка за всю историю египетской археологии и самый важный памятник в истории Египта. Кому-то пришлось изрядно поработать, чтобы вырезать надписи. Почему текст передан тремя разными письменами? Почему для него использован камень, а не папирус? Если текст был настолько важен, что его вырезали на камне, то почему он воспроизведен еще и по-гречески?

Розеттский камень датируется 196 г. до н. э., т. е. относится к царствованию Птолемея V Эвергета. К тому времени династия Птолемеев правила Египтом более 100 лет. Ее основатель был одним из главных военачальников Александра Великого. После неожиданной смерти Александра полководцы поделили его империю между собой. Птолемей выбрал Египет, объявил себя царем и положил начало династии, которая прекратилась со смертью Клеопатры. В общем и целом Птолемеи были хорошими правителями и старались продолжать основанную фараонами традицию благожелательного деспотизма. Греческое влияние было, конечно, заметным, но на протяжении нескольких поколений Птолемеи вели себя скорее как египтяне, чем как греки.

Ко времени появления Розеттского камня Египет уже больше десятилетия страдал от гражданской войны. Она началась, когда египетская армия возвратилась после успешного восточного похода. Солдаты увидели, что страна задавлена новыми налогами; кроме того, налоговая служба была дополнительно укомплектована вьедливыми греками, лучшими мастерами по этой части. Солдатское восстание переросло в гражданскую войну, и ради восстановления порядка от имени Птолемея V, тогда еще мальчика, был провозглашен «мирный манифест». Самой важной его частью стала общая амнистия для всех восставших. Неплательщики налогов и пленные бунтовщики освобождались из заключения, долги по налогам подлежали прощению, отменялись принудительные поборы на содержание флота. Беглецам было обещано

возвращение конфискованного имущества. Наконец, вводился такой налоговый иммунитет для храмов и их земель, какой существовал при фараонах. Манифест был смелым ходом, призванным принести мир измученной войною стране, но на деле означал капитуляцию властей перед повстанцами и жречеством.

Розеттский камень – на котором один и тот же текст выбит тремя начертаниями (на древнеегипетском языке иероглифическим и демотическим письмом и в переводе на древнегреческий) – послужил отправной точкой для расшифровки древнеегипетских иероглифов.

Наибольшую выгоду от провозглашенных мер получили жрецы. На торжественном собрании в Мемфисе на Нижнем Ниле они постановили, что благодарность должна быть выбита на «стеле из прочного камня иероглифами и греческими буквами и установлена в каждом... храме рядом с изображением бессмертного царя». Это позволяет нам предположить, что Розеттский камень существовал во многих экземплярах, которые устанавливались в храмах рядом со статуей юного царя. Почему?

Да потому, что налоговые льготы, предложенные в мирной манифесте, открывали для жрецов путь к обогащению. В результате последовательных завоеваний Египта ассирийцами около 700 г. до н. э., персами и, наконец, греками в 330 г. до н. э. храмы утратили налоговый иммунитет. Теперь, после пяти веков правления чужеземцев, этот иммунитет восстанавливался. Храмы получали исключительную возможность приобрести экономическую силу и независимость. Неудивительно поэтому, что в благодарственной надписи особо отмечались необыкновенные налоговые льготы, дарованные жрецам. Вместе с правом предоставления

убежища, которое храмы никогда не теряли, новые права обещали светлое и благополучное будущее. Главным камнем преткновения была склонность царских налоговых агентов к нарушению закона. Тогда (как, впрочем, и сейчас) иметь закон на своей стороне было еще недостаточно для того, чтобы остановить слишком ретивого сотрудника царской налоговой службы. Дабы налоговые агенты не переступали порог храма, у входа в каждый храм была предупредительная греческая надпись: «Да не войдет сюда тот, у кого нет подобающего дела в храме»²⁰.

Для подкрепления этого запрета Розеттский камень и устанавливался рядом со статуей царя. Если бы возник спор по поводу того, имеет ли налоговый агент право войти в храм, ему можно было предъявить Розеттский камень, и он лично мог убедиться, что вход ему запрещен. Греческий текст камня разъяснял и подкреплял запретительную надпись у входа.

Тот факт, что Розеттский камень – это документ налогового характера, не должен вызывать удивление. Значительная часть всех сохранившихся древних документов – это налоговые сведения того или иного рода. Одна из самых трудных задач историков, изучающих эти материалы, состоит в том, чтобы просеивать массу налоговых данных в надежде найти что-нибудь интересное. Налоговые данные обычно воспринимаются как досадная рутина; но может настать день, когда историки поймут, что в них зафиксирована истинная подоплека цивилизованной жизни. Как людей облагали налогами, кого облагали и что облагали – это сведения, которые сообщают нам об обществе больше, чем что-либо другое. Налоговые привычки характеризуют цивилизацию в такой же мере, в какой привычки сексуального поведения характеризуют личность. Это главные ключи к пониманию того, почему общество ведет себя именно так.

Дарование налогового иммунитета тоже служит ключом к правильному пониманию того, что реально происходило в Египте на рубеже III–II вв. до н. э. Оно может навести на мысль, что у юного царя был мудрый регент, которому хватило ума снизить налоги, чтобы оживить экономику и покончить с гражданской войной; или, допустим, на мысль, что этот регент был исключительно достойным человеком и пожалел задавленных налогами египтян.

Такие предположения, конечно, выдают желаемое за действительное. Правители снижают налоги не для того, чтобы проявить доброту. Удовлетворение краткосрочных потребностей в финансировании и жадность приводят к высокому налогообложению, а для снижения налогов обычно требуется приближение неминуемой катастрофы.

Мирный манифест, упомянутый в тексте Розеттского камня, свидетельствует о том, что чрезмерное налоговое бремя разрушало Египет. Суммарный объем налоговых недоимок должен был достигнуть невыносимого уровня. Массовая конфискация имущества частных лиц оказалась крайне опасной для страны: деревни пустели, поля не обрабатывались, критически важные дамбы и дренажные каналы по берегам Нила не ремонтировались. Наводнения угрожали всему Египту. Освобождение неплательщиков из заключения означало, что тюрьмы были переполнены, а страна отчаянно нуждалась в рабочих руках. Амнистия означала, что в стране было множество беглецов, которые покидали свои дома, чтобы избежать наказания за неуплату налогов. Кратко говоря, дарование налогового иммунитета и налоговой амнистии свидетельствовало о плачевном состоянии Египта и о готовности его правителей пойти на чрезвычайные меры ради прекращения социального и экономического хаоса, вызванного невыносимыми налогами.

К этому периоду относятся многие другие тексты, которые подтверждают нашу интерпретацию. Мы знаем, что царь был завален прошениями налогоплательщиков, умолявших смягчить жесткие требования налоговой службы. Заключение в тюрьмы налогоплательщики просили помилования, – и не потому, что были невиновны, а потому, что, находясь в заключении, лишались возможности оказывать царю ценные услуги. Например, до нас дошло прошение человека, арестованного налоговой службой в тот момент, когда он был очень нужен в

²⁰ Rostovtzeff, *Hellenistic World*, 2, p. 901.

управлении внешних сношений. Под угрозой оказалась даже поставка продовольствия к царскому двору: налоговики арестовали царских крестьян, работавших в сельских угодьях царя. Жрецы просили защиты от незаконных вторжений в храмы.

Наконец, были, на первый взгляд несколько странные, прошения от честных налогоплательщиков с жалобами на то, что налоговые агенты обвиняют их в уклонении от налогов. Египетским налогоплательщикам, естественно, не нравилась такая дискредитация их доброго имени, – даже если ее инициировал недобросовестный налоговый агент. Сейчас мы, пожалуй, просто примем это к сведению. Но даже и у таких случаев есть современный аналог. Человек, обвиненный в налоговых преступлениях, но не признанный виновным, обычно привлекает больше внимания, чем, скажем, осужденный убийца.

За этим потоком прошений последовало циркулярное письмо налоговым агентам, напоминавшее им, что царь и царица требуют справедливого отношения ко всем налогоплательщикам. Упоминание царицы в этом официальном документе свидетельствует о равноправии мужчин и женщин в Египте того времени. Однако по существу распоряжение царя мало что значило. Он возложил на руководителей налоговой службы ответственность за все недополученные налоги. Давление, оказанное на верхушку системы, неизбежно распространилось на налогоплательщика в самом ее низу. Царь оказался в ловушке между пустой казной и бунтом налогоплательщиков. В такой ситуации он одним говорил одно, а другим другое.

По сути, царское послание было эффектным пиар-ходом, и история налогов знает много таких примеров. Как только недовольные налогоплательщики поднимают шум, правительства ради поддержания своей репутации непременно выступают с успокоительными заявлениями. Налогоплательщиков заверяют, что налоговые агенты – по определению честные и достойные люди. Но останутся они такими или нет на самом деле, зависит от того, насколько сильно будет давить на них начальство. Попавший под давление агент обычно очень к нему чувствителен. Правильность этого наблюдения в очередной раз подтвердилась в 1960-х годах, когда Налоговая служба США опубликовала официальное разъяснение, в котором заявляла, что налоговых аудиторов не следует считать людьми, обеспечивающими поступление государственных доходов от имени государства, а следует считать справедливыми беспристрастными судьями. Но почти любой агент скажет вам, что первейшая его обязанность (как это было сказано ему) состоит именно в «обеспечении поступления государственных доходов», – чего, согласно заявлению Налоговой службы, он, по идее, как раз и не должен делать.

Обещать налогоплательщикам одно и приказывать налоговым агентам совершенно другое – именно это и происходило тогда в Египте. Сильнейшее давление на верхушку системы приводило к перемещению давления вниз, чего налоговые власти не могли не знать.

Мирные манифесты, подобные зафиксированному на Розеттском камне, были повторены по меньшей мере трижды в следующем столетии. Успех первого манифеста побудил власти использовать налоговую амнистию как стандартное средство сдерживания гражданских конфликтов. Со временем египетские правители предоставили всем налогоплательщикам внушительный набор гражданских прав.

Ученые пытались установить, что же пошло не так в Египте при Птолемах, и почему империя, существовавшая свыше трех тысячелетий, просто зачахла и умерла. Ведь когда римляне вторглись в Египет, они не встретили почти никакого сопротивления. Между тем страна не страдала от внешних войн, голода или эпидемий. Дельта Нила оставалась самым богатым сельскохозяйственным регионом мира. Птолемеи в целом были неплохими правителями. По идее, Египет мог бы оказаться для римлян не самым легким, а самым трудным завоеванием.

Некоторые ученые считают, что подобно растениям и животным все цивилизации развиваются в рамках жизненного цикла, и Египет просто умер от старости. Древнегреческий историк Полибий полагал, что гражданская война, ослабившая Египет, была вызвана преобладанием греков во властных структурах. Полибий, возможно, отчасти прав, – но только с тем

уточнением, что египтян возмущали не греки как таковые, а греческие методы налогообложения.

Самую убедительную концепцию причин египетского упадка предложил известный русский, а затем американский историк Михаил Ростовцев²¹. В своем итоговом капитальном труде он пришел к выводу, что упадок египетского общества был результатом беззаконий бюрократии, особенно налогового ведомства. Царь не мог пресечь их, поскольку его указы сплошь и рядом игнорировались. Ростовцев считал, что продолжительная и неукротимая тирания сборщиков налогов лишила страну всяких стимулов к активной деятельности. Египетские ремесленники и крестьяне потеряли желание работать, поля пустовали, деловые люди покидали страну, работники сбегали. Твердые деньги уходили, поскольку бушевавшая инфляция съедала капиталы. Страну наводнили грабители, которые нарушали торговлю и приводили население в страх и отчаяние. Передвигаться по Нилу стало так же опасно, как ходить ночью по окраинам Нью-Йорка или Детройта. Ведь воры были не только в налоговом ведомстве – они бродили повсюду.

Трехсотлетнее правление Птолемеев закончилось с победой Октавиана над Марком Антонием и Клеопатрой при Акции в 31 г. до н. э. После недолгой осады Александрии Октавиан вступил в город и установил власть римлян. Мы не знаем, насколько благожелательно жители великого города встретили Октавиана, но можно предположить, что проводили с благодарностью, поскольку он избавил египетский народ от многих притеснений. В последнее столетие существования династии некогда мягкие и благожелательные Птолемеи совершенно утратили контроль над жестокой греческой бюрократией, которая усвоила, «как можно угнетать население без особой опасности для угнетателей»²². В этот период упадка трон по очереди занимали безжалостные царицы по имени Клеопатра, которые без колебаний убивали мешавших им братьев, сестер, любовников и даже сыновей²³.

Октавиан, вскоре принявший титул Цезаря Августа, занялся восстановлением египетской экономики. Римская армия взяла на себя функции крупной строительной компании. Солдаты ремонтировали дамбы и чистили каналы, за долгие годы занесенные илом. В итоге Август восстановил благополучие Египта к большой выгоде для себя. Египет стал римской провинцией и житницей²⁴.

Несомненно, что Августу удалось сильно изменить налоговую систему, поскольку внутренние беспорядки прекратились и Египет стал одной из самых верных и мирных римских провинций²⁵. Пример Египта привел иудейский царь Ирод Агриппа, когда обратился к жителям Иерусалима и призвал их не противиться Риму: «Но к чему нам ходить так далеко за примерами мощи Рима, когда мы можем взглянуть на Египет, нашего ближайшего соседа? <...> ... Он не восстает против римского правления. А между тем какой повод для восстания доставляет одна только Александрия с ее величиной, ее населением, ее богатством! Город... за один месяц платит Риму больше налогов, чем вы за целый год, и кроме денег посылает еще и зерно, которого хватает на целых четыре месяца...»²⁶.

Римское правление и налоговая политика в Египте претерпели примерно ту же эволюцию, какая произошла при Птолемеях. Ко времени падения Рима его политика тоже стала порочной: она угнетала и даже порабощала население. Когда в VII в. явилось мусульманское войско, оно заняло Египет без труда, поскольку арабы не только снизили налоги, но и пред-

²¹ Ibid., pp. 705–736.

²² Ibid., p. 914.

²³ Edwyn Bevan, *A History of Egypt under the Ptolemaic Dynasty* (London, 1927), chs. VIII–XIII.

²⁴ *Светоний*. Август 18, 2.

²⁵ Jack Lindsay, *Daily Life in Roman Egypt* (London, 1963), p. 253.

²⁶ *Иосиф Флавий*. Иудейская война, II, 16, 4. Пер. М. Филькенберг и А. Вдовиченко.

ложили тем, кто примет ислам, полное освобождение от налогов. Этот примечательный исторический эпизод эпохи распада античного мира после падения Рима мы более подробно рассмотрим ниже.

3. Эпоха налогового террора – и неукротимая борьба древних израильтян против налогов

*Царь иудейский утрашился угроз Навуходоносора; он купил мир за деньги и принес дань, которую ему приказали заплатить.
Иосиф Флавий. «Иудейские древности» ю 200 г. до н. э.*

Единственную дохристианскую культуру, которая дожила до наших дней, создали евреи. История этого народа насчитывает пять тысяч лет, тогда как историю англоязычного народа можно проследить, самое большее, на протяжении двух тысяч лет. Евреи всегда были сравнительно малочисленны, но оказали огромное влияние на развитие цивилизации. Если отвлечься от религиозного аспекта истории евреев, то вся их экономическая и политическая история представляла собой нескончаемую борьбу против жестокого налогообложения.

Налоговую историю евреев можно разделить на три главных периода: Израильское царство, Иудейское царство и период рассеяния. Завершилась она конфискационным налогообложением, которое установил Гитлер в качестве первой меры по решению «еврейского вопроса». Эти чрезвычайные налоги совершенно подорвали экономическое положение евреев в Германии еще до организации лагерей уничтожения.

Начало налоговой истории евреев, по всей видимости, связано с событиями, описанными в Книге Исхода, т. е. с обращением в рабство племен Израиля египтянами после смерти Иосифа, сына Иакова. Мы знаем, что в Египте израильтяне были высокоуважаемой колонией иноземцев и получили значительные привилегии от фараона. Вскоре после смерти Иосифа новый фараон обратил в рабство сыновей Израиля, но в Библии не сказано, как именно он это сделал. Вот что говорится в Книге Исхода: «Сыны Израилевы расплодились и размножились, и возросли и усилились чрезвычайно, и наполнилась ими земля та. И восстал в Египте новый царь, который не знал Иосифа, и сказал народу своему: вот, народ сынов Израилевых многочислен и сильнее нас; перехитрим же его, чтобы он не размножился; иначе, когда случится война, соединится и он с нашими неприятелями, и вооружится против нас, и выйдет из земли [нашей]. И поставили над ним начальников работ, чтобы изнуряли его тяжкими работами. И он построил фараону Пифом и Раамсес, города для запасов»²⁷.

Еврейский историк Иосиф Флавий, живший в I в. н. э., добавляет к этому рассказу такую деталь: «Так как египтяне были изнежены и недобросовестны в работах, особенно же преданы удовольствиям и легкой наживе, то в результате получилось враждебное с их стороны отношение к евреям, основывавшееся также на чувстве зависти к их благополучию»²⁸.

В обоих этих сообщениях выделяются два обстоятельства. Во-первых, евреи были преуспевающим и растущим политическим меньшинством; во-вторых, египтяне, контролировавшие политическую систему, положили глаз на богатство евреев. Когда фараон решил поступить с евреями «мудро» (сейчас мы сказали бы «эффективно»), он хотел отнять у евреев богатство и ослабить их растущую силу. Но как он это сделал? Вряд ли можно предположить, что он просто отдал приказ обратить в рабство евреев и в результате они стали рабами. Фараон был верховным гарантом египетских законов, которые считались божественными и не могли произвольно меняться. Ему пришлось бы как-то увязывать порабощение евреев с «надлежащей правовой процедурой» или «природной справедливостью» по египетским стандартам 1700 г. до н. э. Древние законы и традиции следовало строго соблюдать.

²⁷ Исх 1, 7–11.

²⁸ Иосиф Флавий. Иудейские древности, II, 9, 1. Пер. Г. Генкеля.

По законам того времени человека можно было обратить в рабство, если он являлся преступником, военнопленным, должником или налогоплательщиком, просрочившим платеж²⁹. Евреи не были чужестранцами в полном смысле слова, и нет никаких оснований считать, что, будучи лояльными египетскими резидентами, они не платили 20 %-ный налог с урожая и налоги со всего прочего. Если евреев все же поработили, то причиной тому могли быть либо огромный долг государству, либо восстание против фараона. Поскольку евреи существовали как иноземная колония, налогом, возможно, облагалось все сообщество в целом, и ставка налога, видимо, была произвольной. Фараон мог повысить ее настолько, что сумма становилась неподъемной. Восстание против такого налога или просто его неуплата дали бы фараону основание конфисковать собственность евреев и обратить их в рабство. В библейских и других древних текстах налогообложение и налоги чаще всего называются «бременем», а иногда «игом»³⁰. Вероятно, именно с помощью налогов фараон поработил евреев и тем подготовил почву для Моисея и исхода.

История знает немало примеров того, как налоги доводили богатый, но непопулярный и политически бесправный класс до полного упадка, эмиграции или восстания. Следовательно, для фараона самый естественный и законный способ «мудро» решить проблему состоял в обложении евреев губительными налогами.

Когда Моисей вывел сынов Израиля из мест их рабства, они вновь поселились в Палестине под общим руководством Иисуса Навина. Каждое племя получило свою территорию, местных правителей и судей, следивших за соблюдением воли правителей. В Книге Судей (17, б) мы читаем: «В те дни не было царя у Израиля; каждый делал то, что ему казалось справедливым». Это нужно понимать так, что не было тогда центральных властей, которые единообразно регулировали все действия отдельных лиц и столь же централизованно взимали налоги. Такое общественное устройство просуществовало около 400 лет.

Около 1000 г. до н. э. по просьбе народа была создана центральная власть. Народ желал иметь царя, как того хотели все в те времена. Однако пророк Самуил выдвинул возражения против такой политической системы. Бог не желал, чтобы Его народ имел царя, и повелел Самуилу объявить это людям. Но народ, вопреки воле Бога, все-таки желал иметь царя. Тогда Бог повелел Самуилу объяснить людям, какая жизнь ожидает их при царе – особенно в плане налогов. В Первой Книге Царств наглядно показано, чего следует ждать от царя, умеющего собирать налоги: «Вот какие будут права царя, который будет царствовать над вами: сыновей ваших он возьмет и приставит их к колесницам своим и *сделает* всадниками своими, и будут они бегать пред колесницами его; и поставит *их* у себя тысяченачальниками и пятидесятниками, и чтобы они возделывали поля его, и жали хлеб его, и делали ему воинское оружие и колесничный прибор его; и дочерей ваших возьмет, чтоб они составляли масти, варили кушанье и пекли хлебы; и поля ваши и виноградные и масличные сады ваши лучшие возьмет и отдаст слугам своим; и от посевов ваших и из виноградных садов ваших возьмет десятую часть и отдаст евнухам своим и слугам своим; и рабов ваших и рабынь ваших, и юношей ваших лучших, и ослов ваших возьмет и употребит на свои дела; от мелкого скота вашего возьмет десятую часть, и сами вы будете ему рабами»³¹. Однако такая картина жизни под властью царя и его налоговых агентов не произвела впечатления на сынов Израиля. Они по-прежнему просили дать им царя; тогда Бог повелел Самуилу поставить над ними царя и дать им испытать все последствия. Самуил помазал на царство Саула.

²⁹ H. Graetz, *History of the Jews*, vol. 3 (Phila. 1895), p. 108; Hugo Grotius, *The Law of Peace and War* (Oxford, 1925), Bk. 2, ch. 5, XXXII, 1625 edition, p. 259; *Encyclopedia of Religion and Ethics*, ed. James Hastings, vol. 11, pp. 595–631; C. H. W. Johns, *Babylonian and Assyrian Laws, Contracts and Letters* (Edinburgh, 1904), passim.

³⁰ Ос 8, 10; Ам 5, 11; Ис 13, 1; Иез 12, 10; 2 Пар 10; 1 Цар 12, 4; *Иосиф Флавий*. Иудейские древности, VIII, 8, ср. II 9; Исх 6, 6. <Часть этих отсылок неточна. – Перев.>

³¹ 1 Цар 8, 11–17.

По-видимому, сыновья Израиля, жившие за тысячу лет до новой эры, имели много общего с сыновьями западной цивилизации, живущими в конце второго тысячелетия нашей эры. Мы тоже желаем иметь центральную власть, как и сыновья Израиля желали иметь центральную власть в виде царя. Мы тоже имеем большие налоги со всеми вытекающими последствиями.

Самуил не упомянул о худшей части большого налогового сценария – о жестоком наказании для уклоняющихся от налогов. Два поколения спустя Соломон, который наследовал Давиду и первому царю Саулу, ввел такие меры для народа Израиля. С помощью жесточайшего налогообложения он собрал огромные богатства. Иисус, говоря о «Соломоне во всей славе его», видимо, имел в виду придворную роскошь Соломона и его гарем. Иосиф Флавий дает Соломону такую характеристику: «Став среди всех царей самым знаменитым, снискав себе любовь со стороны Предвечного и превосходя умом и богатством всех предшествовавших ему властителей над евреями, Соломон, однако, не остался верен себе вплоть до своей кончины... Сходя с ума по женщинам... царь не только не удовлетворялся одними туземными женщинами, но брал себе в жены множество иностранок...»³².

Отступничество Соломона, несомненно, объясняется тем, что он имел тысячу жен и наложниц. Как он с ними управлялся, просто уму непостижимо. Но ясно, что ставил он их невысоко. В Книге Экклезиаста (которая приписывается Соломону) сказано, что среди тысячи женщин и одну достойную найти нельзя³³. Правда, жены могли бы возразить, что Соломон не провел ни с одной из них времени, достаточного для того, чтобы судить справедливо. При таком количестве женщин он мог уделить каждой лишь одну ночь за три года. Его страсть к женщинам была скорее увлечением коллекционера, чем желанием завести очередную любовницу и наперсницу. Но назвать это увлечение платоническим тоже нельзя, поскольку Соломон «необузданно предавался удовлетворению своих половых влечений»³⁴. А его чужеземные жены были идолопоклонницами, и в конце концов Соломон тоже стал поклоняться идолам.

Жены и роскошь обходились очень дорого, а оплачивать их был вынужден еврейский народ. В Библии неоднократно упоминается «иго», которое Соломон наложил на него. Поэтому некоторые ученые-библеисты полагают, что нарисованная Самуилом мрачная картина налогообложения была добавлена позже и на самом деле описывает налоговую систему, созданную Соломоном для финансирования дворцовой роскоши и грандиозных проектов³⁵.

После смерти Соломона ему наследовал его сын Ровоам. Чтобы официально вступить на престол, Ровоам отправился в город Сихем, который еще Иисус Навин избрал местом для встреч вождей племен Израиля. Эти племенные правители хотели узнать, какие впредь будут налоги, просили отменить наложенное Соломоном тяжелое иго и взамен обещали «верно слушать» Ровоаму. Мудрые старцы Израиля советовали ему удовлетворить желание людей, быть с ними ласковым, и тогда «они будут твоими рабами на все дни»³⁶. Ровоам сказал, что подумает и через три дня даст ответ. Старейшин это несколько озадачило, потому что они не понимали, о чем тут можно думать. Когда Ровоам вновь предстал перед ними, он, ко всеобщему ужасу, заявил, что намерен увеличить налоги, а непокорных будет наказывать не бичами (как было принято при прежних правителях), а «скорпионами» – страшными плетями с шипами, которые рассекали плоть.

³² Иудейские древности, VIII, 7, 5. Пер. Г. Генкеля.

³³ Еккл 7, 28.

³⁴ Иосиф Флавий. Иудейские древности, VIII, 7, 5. Пер. Г. Генкеля.

³⁵ E. W. Heath, *Solomon's New Men* (New York, 1974), p. 55.

³⁶ 3 Цар 12,7; 2 Пар 10,7.

Это было уже чересчур: «Слова царя поразили всех как молния, и сперва все замерли, как будто бы их хотели подвергнуть предварительному испытанию»³⁷. Немедленно начался хорошо организованный протест против налогов, который, несомненно, был продуман заранее. Ровоаму объявили, что он не может быть царем и в его владении останется только «храм, который воздвиг отец его»³⁸. Более того, разгневанные старейшины заявили, что отныне никто из потомков Давида не будет властвовать над ними. Ровоам не осознал, насколько он разозлил людей. Он послал старшего сборщика налогов при Соломоне с поручением изменить ситуацию и успокоить людей. Однако этого человека не стали слушать и забили камнями до смерти³⁹, – потому, видимо, что достаточно от него натерпелись при Соломоне. Опасаясь за свою жизнь, Ровоам «немедленно сел на свою колесницу и спасся бегством в Иерусалим»⁴⁰, дабы найти убежище в храме, который был ему оставлен.

Ровоам укрепился в Иерусалиме, Израильское царство распалось, а Ровоам сохранил контроль только над сравнительно небольшой областью Иудеи. Будучи маленьким царством, Иудея ради сохранения мира платила дань Израилю и его царям, не принадлежавшим к роду Давида. Эти еврейские царства были буферными государствами между Ассирией и Египтом, т. е. между сверхдержавами того времени. Примерно такое же положение занимала Европа в противостоянии России и Соединенных Штатов. Но если это последнее противостояние было в значительной мере идеологическим, то в 800 г. до н. э. борьба носила чисто экономический характер, а призом победителя была дань.

Еврейские царства старались лавировать между Ассирией и Египтом. Пророки призывали к строгому нейтралитету. Если евреи сохраняли нейтралитет и платили требуемые налоги, они имели шансы выжить. Но любой союз с Египтом или Ассирией грозил гибелью. Страна, взявшаяся за меч, от меча и погибнет. Эта популярная в Древнем Израиле поговорка, несомненно, восходила к пророкам, выступавшим против присоединения к любой из сверхдержав.

Ассирия вскоре возобладала над всеми городами и всеми странами за исключением Египта. Черный Обелиск Салманасара III свидетельствует, что цари Израиля склонялись перед ассирийцами и посылали дань в Ниневию. Но обстановка была отнюдь не безмятежной. Израильяне восставали, когда только могли. В 750 г. до н. э. они прекратили платить дань, и свирепый ассирийский царь Тиглатпаласар III стремительно выступил из Ниневии, ворвался в Израиль и потребовал тысячу талантов серебра (израильский талант весил 116 фунтов). Подавленные израильяне смирились и в течение 15 лет выполняли условия ассирийцев. В 734 г. они вновь восстали вместе со всеми другими данниками Ассирийской империи. На этот раз разъяренные ассирийцы разгромили Израиль и увели в плен почти всех жителей. Израиль на время исчез с исторической сцены; лишь крохотный его кусочек сохранился в Самарии. Однако через 10 лет вспыхнуло новое восстание, и ассирийцы осадили Самарию. Город продержался три долгих года, но в 721 г. до н. э. ассирийцы все же ворвались в него и увели в плен всех оставшихся в живых.

На протяжении 25 столетий исчезновение народа царства Израильского оставалось загадкой для евреев и христиан. Исчезнувшие люди стали «потерянными коленами израильскими». Многие ученые эпохи раннего Нового времени из числа так называемых «любителей древности» считали, что от этих потерянных племен произошли американские индейцы. Бытовали всевозможные пророчества о том, что они вернуться и внезапно откроются пути, по которым они придут из Северной страны, где когда-то исчезли. Эти предания в основном уже забыты,

³⁷ Иосиф Флавий. Иудейские древности, VIII, 8, 3. Пер. Г. Генкеля.

³⁸ Там же.

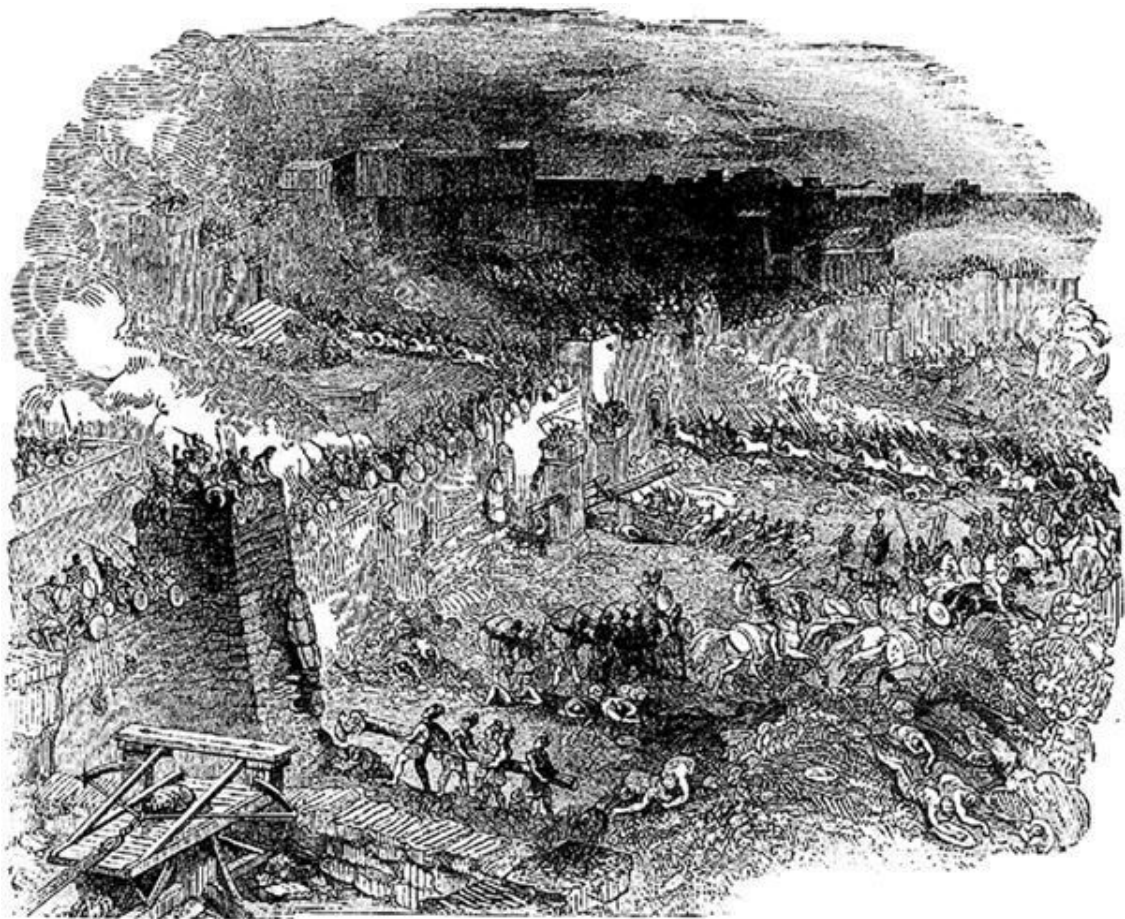
³⁹ 2 Пар 10, 18; Иосиф Флавий. Иудейские древности, VIII, 8, 3.

⁴⁰ Иосиф Флавий. Иудейские древности, VIII, 8, 3. Пер. Г. Генкеля.

но еще остаются несколько религиозных сект, например мормоны, которые в них верят и ждут великий день возвращения потерянных племен.

Если придерживаться строгих рамок исторических фактов, то потерянные племена исчезли в результате храброго, но безнадежного восстания против несправедливого налогообложения. Подобно сражению Майти-Мауса с гигантским монстром восстание и дерзкий вызов Израиля стали проблеском надежды для задавленного налогами мира. Тем временем ассирийцы после разгрома Израиля распространили свой гнет на весь известный тогда мир; даже Египет склонился перед свирепыми царями. Подобно главарю мафии ассирийцы могли теперь выписывать собственные счета по налогам.

Небольшое еврейское царство Иудея со столицей в Иерусалиме подчинилось требованиям ассирийцев после уничтожения Израильского царства. Но невыносимые ассирийские налоги в конце концов и там вызвали восстание, когда Египет пообещал помощь обнищавшим евреям. Пророки, как всегда, призывали к повиновению и предостерегали от восстания. Исайя убеждал иудейского царя Езекию такими словами: «Оставаясь на месте и в покое, вы спаслись бы; в тишине и уповании крепость ваша»⁴¹. Иначе говоря, никаких союзов с другими государствами и никаких восстаний.

Армии Навуходоносора разрушают стены Иерусалима, чтобы увести евреев в вавилонский плен за отказ платить налоги.

Но требования ассирийцев были для Езекии невыносимы. Ему приходилось преклоняться перед ассирийцами и угнетать собственный народ ради сбора невыносимых налогов.

⁴¹ Ис 30, 15.

Сохраняя нейтралитет, он оставался бы главным налоговым агентом ассирийцев и заслужил бы презрение еврейского народа. Поэтому через некоторое время Езекия отверг советы пророка и присоединился к союзу государств, созданному с целью свержения ассирийского налогового ига.

В 703 г. до н. э. этот союз открыто проявил неповиновение, и ассирийский царь Синнахе-риб вскоре покорил мятежные города. Наступавшие армии занимали одну еврейскую крепость за другой. Война была проиграна. Езекия попросил мира, но ассирийцы твердо решили взять Иерусалим. Они окружили город, в котором к тому времени началась паника. Тогда Исайя предрек: царь ассирийский «не войдет в этот город, и не бросит туда стрелы, и не приступит к нему со щитом, и не насыплет против него вала»⁴².

Действительно, ассирийцы неожиданно бросили свой лагерь, ушли, и Иерусалим был спасен. Древнегреческий историк Геродот сообщает, что в лагере вспыхнула эпидемия тифа. Так или иначе, это было удивительное везение, настолько удивительное, что оно охладило горячие головы тех евреев, которые призывали к восстанию. После этого Иудея продолжила платить налоги.

Наводившие ужас ассирийские цари вошли в историю как дурной сон; их послужной список по части налогового террора таков, что отводит им место среди худших империалистов всех времен⁴³. Каждый вассальный город кипел гневом и был на грани восстания. В конце концов, вавилоняне сумели совершить то, что не удалось евреям. В 612 г. до н. э. они провели мощное нападение на Ниневию и положили конец ассирийскому владычеству.

Вавилон сменил Ассирию в роли сверхдержавы Востока. Честолюбивый молодой царь Навуходоносор отправился в экспедицию по сбору налогов. Когда он прибыл в Иудею, местный царь не оказал сопротивления. По словам Иосифа Флавия, «он купил мир за деньги», т. е. согласился платить наложенную дань, как и при ассирийцах. Однако четыре года спустя евреи, которых подстрекали египтяне, восстали. Египтяне, как обычно, предпочли остаться в стороне, и евреи оказались один на один с грозной армией вавилонян. Евреи запросили мира, выплатили недоимки и заключили налоговое соглашение с вавилонянами. Чтобы гарантировать лояльность евреев, Навуходоносор назначил им нового царя – Седекию. Самолично выбрав царя, Навуходоносор счел, что ситуация, наконец, под контролем.

Однако через восемь лет Седекия разорвал налоговое соглашение с Вавилоном. Когда Навуходоносор убедился, что даже царю, которого он сам выбрал, нельзя доверять, он не пожелал дальше терпеть выходки евреев и разрушил Иерусалим. Седекия был сурово наказан за вероломство: сыновей Седекии убили на его глазах, а его самого затем ослепили – расправа в чисто ассирийском стиле. Всех евреев вместе со слепым царем погнали в Вавилон. Так начался период Вавилонского пленения.

Оказалось, что жить в Вавилоне не так уж и плохо. Евреи преуспевали и с удовольствием усваивали развитую культуру вавилонян. В 539 г. до н. э. персидский царь Кир Великий нанес вавилонянам поражение и разрешил евреям вернуться в Иерусалим. Многих евреев пустынная и мало цивилизованная Иудея привлекала меньше, чем комфортная жизнь в Вавилоне; точно так же американские евреи сейчас не горят желанием переселяться в Израиль с его войнами, террористическими актами и социализмом.

Разрешение вернуться в Иерусалим диктовалось отнюдь не соображениями гуманности. Кир был дальновидным налоговиком: если бы он сумел убедить евреев восстановить Иерусалим, он мог бы со всем основанием ожидать добавления к своим владениям еще одного преуспевающего и платежеспособного региона. Но далеко не все евреи желали вернуться, и заве-

⁴² Ис 37, 33.

⁴³ Переводы ассирийских архивов, выполненные не так давно сотрудником Университета Торонто, позволяют узнать, какими варварскими методами действовали эти правители. См.: A. Kirk Grayson, *Assyrian Rulers of the Early First Millennium BC I (1114–859 BC)* (Toronto, 1991), passim.

домо не хотели этого люди богатые и процветающие. Поэтому возвратилось меньшинство – примерно четверть 150-тысячной еврейской общины ⁴⁴.

Между 1000 и 500 г. до н. э. история цивилизации концентрировалась вокруг двух звезд первой величины, Ассирии и Вавилона, но основное внимание все же привлекли к себе игравшие на вторых ролях Израиль и Иудея. Вновь и вновь они восставали против свирепых налоговых террористов и не извлекали никаких уроков из поражений. Евреи, уцелевшие после геноцида, устроенного чужеземными царями, вновь поднимали мятеж при первой же возможности.

Для религиозного сознания поражения и страдания еврейского народа были частью божественного замысла. С точки зрения светского историка, сопротивлявшиеся евреи провели самое долгое и самое безуспешное восстание против налогов за всю историю. Оно растянулось даже не на десятилетия, а на столетия. Мужество еврейских повстанцев должно было внушать надежду угнетенным народам Древнего мира. Сейчас мы вспоминаем Древний Израиль за Писание, за веру в Бога и за религию, свободную от идолопоклонничества. Не стоит ли нам также вспоминать его за неукротимый дух сопротивления налогообложению?

⁴⁴ Max I. Dimont, *Jews, God and History* (New York, 1962), pp. 66–68.

4

Последний час Израиля: от торжества Хануки до победы Голиафа

[Иосиф,] собрав значительные денежные средства и при этом способе откупа податей имея крупную выгоду..., успел поднять народ иудейский из его бедности и жалкого положения и поставить его в более благоприятные условия жизни.

Иосиф Флавий. «Иудейские древности», 200 г. до н. э.

Мои читатели еврейского происхождения, возможно, удивятся, когда узнают, что праздник Хануки, их аналог христианского Рождества, появился в результате налоговых тягот древних евреев. Начало этой истории восходит ко времени Александра Великого. После покорения Персидского царства он внезапно умер, и только что созданную империю поделили между собой его полководцы. Птолемей взял Египет, а Селевку достались Палестина и Малая Азия. Иудея вновь стала буферным государством между соперничающими державами. Греки не принесли евреям свободы. Налоги были просто перенаправлены от персидского царя к греческому; даже ставки остались прежними: 33 % с урожая зерна и 50 % с урожая фруктов и винограда, — по любым меркам ставки очень высокие.

Соперничество между двумя соседствовавшими полководцами напоминало прежнюю вражду между Египтом и Ассирией, с той лишь разницей, что борьба велась не столь варварскими методами. Евреи никогда не знали, кому будут платить на следующий день. Восстаний больше не было; мудрость пророков и здравый смысл наконец восторжествовали. Для знаменитой Александрийской библиотеки Птолемея евреи сделали греческий перевод Библии, который дошел до наших дней. В знак признательности за этот дар Птолемей выкупил на свободу всех рабов-евреев в Египте.

Однако евреи в большей мере симпатизировали династии Селевкидов. Когда Антиох III Великий вел войну против Птолемея IV (отца того царя, с которым связано появление Розеттского камня), еврейские войска встали на сторону Антиоха и помогли победить египтян. В качестве вознаграждения Антиох даровал евреям 3 года налогового иммунитета, 7 дополнительных лет отмены налогов на урожай и обещал после завершения моратория снизить все ставки налогов на треть. Во все времена было выгодно занимать сторону победителя. Небольшие государства Древнего мира предлагали свои услуги крупным колониальным державам, чтобы получить налоговые льготы. Точно так же страны третьего мира заигрывали с СССР или с США в надежде на выгоду.

К несчастью, замечательное время налоговой свободы продолжалось недолго. Свободная от налогов Иудея не представляла для Антиоха никакой ценности. Когда его красавица-дочь Клеопатра вышла замуж за Птолемея после подписания мирного договора, Иудея стала ее приданым. В результате этого ловкого хода евреи потеряли налоговый иммунитет. Птолемей имел полную свободу обложить налогами приобретенную территорию. Для евреев это стало настоящим ударом. Надежды на свободу и облегчение тяжелого бремени, которое давило на них пять столетий, оказались тщетными. Евреи вновь возвратились в положение угнетенных.

Хитроумный маневр Антиоха вполне мог бы привести к войне, поскольку правитель евреев, престарелый первосвященник Ония, заявил, что ничего не будет платить Птолемею. Птолемей направил в Иерусалим посланца, чтобы убедить евреев не делать глупостей. Посланец предъявил евреям ультиматум: если платежи не начнутся тотчас же, египетские войска оккупируют Иудею и взыщут налоги силой.

Катастрофу предотвратил племянник первосвященника Иосиф; он заручился одобрением посланца, а затем отправился к Птолемею и попросил его проявить терпение и снисхождение к Онии: «Прости его ради старости; ведь тебе, вероятно, небезызвестно, что у стариков и малых детей одинаковый разум. Мы, молодежь, отнесемся к тебе во всем так, что тебе не придется жаловаться»⁴⁵. Иосиф понимал, что не сможет собирать налоги без поддержки дяди. Его замысел состоял в том, чтобы успокоить гнев Птолемея, выиграть время и найти способ заплатить египтянам. О сопротивлении, сколь бы справедливым оно ни было, речь не шла.

Иосиф задумал получить контроль над прибыльным откупом налогов в Сирии и Палестине, который практиковал Птолемей. В случае успеха долю евреев можно было заплатить из прибыли. Каждый год право сбора налогов продавалось на аукционе при царском дворе. Знатнейшие люди из Келесирии, Финикии, Самарии и Иудеи «брали себе на откуп эти подати и, собрав требуемую подушную податную сумму, выплачивали ее»⁴⁶. К несчастью для Иосифа, ставки можно было делать только под финансовые гарантии полной выплаты заявленной суммы. Поскольку суммы исчислялись десятками миллионов долларов на наши деньги, участвовать в аукционе могли только сверхбогачи. Иосиф не имел возможности сделать сколь угодно приемлемое предложение.

Когда ставка по Сирии и Палестине остановилась на 8 тысячах талантов (232 тонны серебра!), Иосиф заявил, что участники торгов сговорились, что 8 тысяч – это слишком мало и что он, Иосиф, предлагает 16 тысяч. Сговор был стандартной тактикой греческих откупщиков, и царь об этом знал; поэтому отдал откуп Иосифу без всяких гарантий, а в помощь ему отрядил две тысячи воинов.

Но на этом проблемы Иосифа не кончились. Могущественные откупщики сговорились помешать Иосифу собирать налоги; тогда Птолемей, не получивший гарантий, останется ни с чем. Когда Иосиф прибыл в один сирийский город, в уплате ему отказали. Имея при себе военную силу, Иосиф схватил 20 самых богатых жителей, велел их казнить, а их деньги отправил Птолемею с подробным донесением. Птолемей остался доволен.

Молва об Иосифе распространялась быстро, и как только он подходил к очередному городу, жители «добровольно открывали ворота, впускали его и выплачивали ему подати». К тому времени, когда Иосиф завершил экспедицию по городам Сирии, Самарии и Палестины, он собрал уже достаточно, чтобы выплатить Птолемею 16 тысяч талантов и получить при этом огромную прибыль. Подобно своему тезке из Книги Бытия, этот Иосиф пользовался благосклонностью египетского царя.

Впервые за пять столетий еврейский народ преуспевал. По словам Иосифа Флавия, наш Иосиф, «собрав значительные денежные средства и при этом способе откупа податей имея крупную выгоду... успел поднять народ иудейский из его бедности и жалкого положения и поставить его в более благоприятные условия жизни»⁴⁷.

А через одно поколение наконец началась история Хануки. Греки отняли Иудею у египтян, и евреи вновь стали платить налоги Антиоху. В самом же еврейском сообществе соперничавшие фракции развернули яростную борьбу за пост первосвященника; этот пост давал право контролировать колоссальные денежные средства, накопившиеся в храмовом хранилище с тех пор, как Иосиф стал главным откупщиком Птолемея.

Один претендент попытался заручиться поддержкой греков путем пропаганды греческой культуры в Иерусалиме. В городе появились статуи языческих богов и греческий гимнасий, где обнаженные еврейские юноши и девушки занимались спортивными состязаниями. Это шокировало правоверных евреев. В конце концов Антиох IV превратил храм в святилище

⁴⁵ *Иосиф Флавий*. Иудейские древности, XII, 4, 3. Пер. Г. Генкеля.

⁴⁶ Там же, XII, 4, 1. Пер. Г. Генкеля.

⁴⁷ Там же, XII, 4, 5; 4, 10. Пер. Г. Генкеля.

Зевса. Это переполнило чашу терпения. Внутренние раздоры прекратились, и евреи сплотились вокруг семейства Маккавеев, в котором были талантливые военачальники. Началась священная война. Под предводительством Маккавеев евреи изгнали греков из Иудеи. Дабы увековечить эту великую победу, было решено провести обряд очищения храма – зажечь неугасимый священный огонь. Нашелся только один кувшин чистого масла; его могло хватить лишь на один день, а для приготовления нового масла по традиции требовалось восемь дней. Однако светильник горел все восемь дней; это было сочтено знаком, которым Бог указывал, что принял очищение храма. В честь этого чуда евреи в день, совпадающий с христианским Рождеством, зажигают свечи в канделябре с восемью чашами; каждый день добавляется одна свеча, чтобы на восьмой день горели все восемь.

Когда евреи отбили атаки греков, пытавшихся вернуть Иудею, был заключен мирный договор. Нам известны два письма от греческого царя к Ионафану Маккавею (младшему брату полководца Иуды Маккавея), который вел заключительные переговоры. В них не затронуты никакие вопросы религии. Главная тема – налоги. Царь согласился полностью освободить евреев от налогов на землю и урожай, т. е., как буквально сказано, отменить «те царские оброки, которые прежде ежегодно получал от них царь с произрастаний земли и плодов древесных»⁴⁸. Эти «оброки» и были 33 %-ным налогом на зерно и 50 %-ным налогом на фрукты и виноград. Для евреев плоды победы оказались поистине сладостными.

Однако успех восстания под предводительством Маккавеев, видимо, имел и свою оборотную сторону. Очищение храма от языческих кумиров было, конечно, славным делом, но победа над империей Селевкидов внушила евреям ложное представление о собственных возможностях, которое они сохраняли на протяжении столетий. Маккавеи воспроизвели сказание о Давиде и Голиафе на общенациональном уровне и тем утвердили иллюзорное убеждение, что евреи всегда будут повергать гигантов простым оружием и чистотой помыслов. Антиох не принадлежал к числу гигантов; он был ленивым сборщиком налогов. Его войско состояло из наемников и попросту распадалось, если солдатам не платили. Во время войны с Маккавеями основная часть армии Антиоха занималась в Персии сбором недоплаченных налогов, необходимых для финансирования военных действий. Еврейские историки не учли этот принципиально важный факт.

Победа маленького Давида над гигантским Голиафом навсегда осталась в еврейском предании. К несчастью, в реальной истории подобные случаи встречаются крайне редко, если вообще встречаются. Сверхдержавы древности регулярно побеждали и сокрушали непокорных израильтян.

Заключительная и трагическая глава истории древнего еврейского государства повествует именно о том, как реальный Голиаф поверг непокорного Давида. На сей раз, в отличие от прошлых времен, евреи уже не смогли оправиться от поражения; на протяжении последующих девятнадцати столетий они существовали в рассеянии и не имели собственной страны. В этой главе нет героев; евреи и их лидеры превратились в безумцев.

В 64 до г. н. э. римляне появились в Сирии не столько с намерением захватить ее силой, сколько для того, чтобы установить формальный протекторат над прилегающими территориями. Римский полководец Помпей фактически завершил Третью Митридагову войну, одной из причин которой тоже были налоги (см. главу 9). После этого он повел легионы на юг, чтобы продемонстрировать могущество Рима. Правители городов и стран этого региона были «приглашены» в Дамаск на встречу с Помпеем; это означало, что им следовало захватить с собой подобающие дары, желательно в виде золота.

Два брата соперничали за верховную власть в Иудее, которая тогда была независимой и даже сама получала дань с нескольких небольших территорий. У евреев была порядочная

⁴⁸ 1 Мак 11, 34; M. Rostovtzeff, *The Social and Economic History of the Hellenistic World*, vol. 1 (Oxford, 1967), p. 467.

армия, и они вполне могли заключить выгодный договор с римлянами, поскольку римляне, обратившие взор на богатства Египта и Персии, с удовольствием имели бы дружественных правителей в Иудее.

Братья явились к Помпею, и каждый отстаивал свои права на трон. Помпей понял, что страна находится на грани гражданской войны. Он приказал братьям воздержаться от нее и обещал, что лично уладит все разногласия. Однако пока Помпея больше заботило арабское Набатейское царство, которое контролировало торговые пути на Восток и установило большие налоги на все коммерческие операции. Помпей еще не успел далеко продвинуться, когда до него дошли известия о том, что один из братьев поднял мятеж. Он собрал значительное войско и укрепился за стенами Иерусалима, бросив тем самым вызов римскому полководцу. Помпей был сильно разгневан. Он отменил восточный поход, подошел к Иерусалиму и осадил его. Через некоторое время римляне проломили стены и ворвались в город. Помпей осмотрел храм, но приказал ничего не трогать – даже хранившееся там золото. В качестве наказания евреи были обращены в римских данников; римляне отняли у них небольшие колониальные территории, а саму Иудею сделали провинцией во главе с наместником, который должен был контролировать все дела, включая уплату налогов. Этот печальный итог показывает, что грозит народу, у которого плохое руководство. Безрассудное неповиновение повлекло за собой катастрофические последствия для еврейского государства. Разумный политический курс позволил бы евреям стать союзниками Рима, сохранить свою маленькую империю и не платить налоги. Но история не знает сослагательного наклонения.

Заведовать делами евреев римляне поручили арабу, который проявил куда больше здравого смысла, чем еврейские лидеры. Он сотрудничал с римлянами и приложил немало усилий, чтобы войти в доверие к Юлию Цезарю, который тем временем присвоил себе верховную власть в Риме. Цезарь даровал этому человеку римское гражданство и пожизненное освобождение от налогов. Если говорить о самих евреях, то Цезарь существенно облегчил их налоговое бремя и разрешил восстановить разрушенные Помпеем стены Иерусалима. Оказалось, что это не к добру, поскольку разрешение Цезаря подготовило почву для последнего еврейского восстания, после которого еврейское государство перестало существовать.

Евреи были не слишком довольны новым правителем, а особенно его сыном Иродом. Дань Риму отсылалась как подношения от семейства Ирода. Ирод убил много евреев, и высшая судебная инстанция евреев, Великий синедрион, начала судебный процесс против него. Но поскольку все боялись Ирода, он был оправдан и стал бесчинствовать еще сильнее. Именно царь Ирод приказал перебить всех младенцев в Вифлееме вскоре после рождения Иисуса. Правда, этот случай не подтверждается ни одним источником, кроме Библии. Ирод был параноидальной натурой и приказал своему карательному отряду перебить всех членов синедриона, которые его судили. Он настолько болезненно воспринимал даже мнимые угрозы своей власти, что приказал убить свою жену и трех сыновей. Прозвище «Великий» Ирод получил уже после смерти, последовавшей в 4 г. н. э.

Римляне оказывали поддержку династии Ирода, но помимо этих вассальных царей назначали специальных прокураторов, которые обладали реальной властью в Иудее, следили за поступлением налогов и настроениями в народе. Когда Иисуса спросили, позволительно ли давать подать кесарю или нет, это был провокационный вопрос, поскольку за отрицательный ответ можно было поплатиться жизнью.

Иудея была отдаленной и проблемной областью; поэтому туда посылали прокураторов далеко не лучших человеческих качеств. Вообще римские прокураторы выполняли функции своего рода региональных управляющих римской налоговой службы и обладали широкими полномочиями. По идее, они должны были поддерживать мир и уважительно относиться к местным религиозным обычаям. Для каждой местности назначалась своя налоговая ставка, но коррумпированный налоговый управляющий мог потребовать повышения налогов и доли

в добыче. Известно высказывание Цицерона, в котором он называет одного из самых коррумпированных налоговых управляющих «средоточием всех мыслимых пороков и беззаконий».

После того как Юлий Цезарь облегчил налоговое бремя, наложенное римлянами на евреев, в Иудее, к ее несчастью, оставалось много возможностей для постоянных злоупотреблений. Перед Великим восстанием 66 г. н. э. еврейские налогоплательщики уже несколько лет проводили всеобщую забастовку, и римский прокуратор Гессий Флор был готов применить военную силу. Назначенный римлянами царь Ирод Агриппа убеждал евреев заплатить недоимки и предотвратить карательные меры римлян: «Я допускаю, что слуги Рима нестерпимо жестоки; но следует ли из этого, что все римляне, включая Цезаря, преследуют вас? <...> Было бы нелепостью из-за ничтожных проступков одного человека начать войну против целого народа, даже ничего не знающего о наших жалобах, – и какого народа!»⁴⁹.

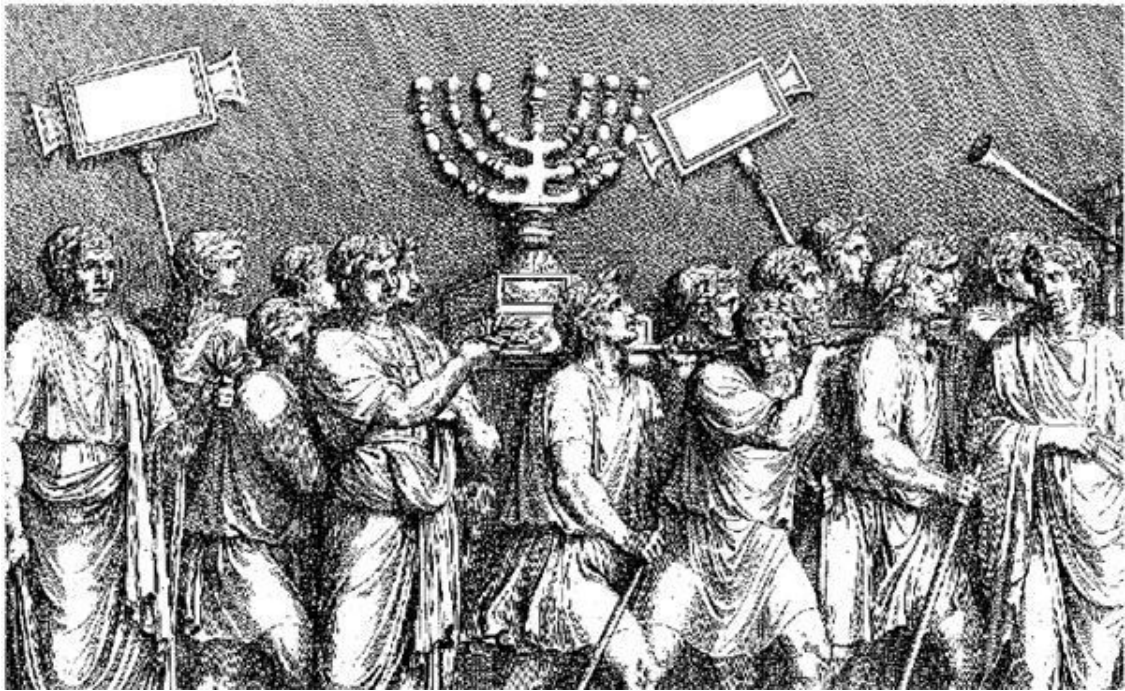
Доводы царя подействовали, и евреи заплатили недоимки. Однако Гессий Флор на самом деле хотел не этого. Восстание дало бы ему возможность захватить золото из иерусалимского храма, который был одной из самых богатых сокровищниц римского мира. Во всем этом мире евреи веками платили ежегодный налог великому храму. Для евреев храм стал чем-то вроде всемирного банка. В нем заключалось достояние евреев как в этом мире, так и в мире грядущем. Если бы Флор смог спровоцировать восстание и захватить золото храма, он вернулся бы в Рим богатейшим человеком. В противном же случае он оставался самым заурядным из римских прокураторов.

Во время празднования еврейской пасхи Флор отнял священные одеяния у первосвященника и оскорбил религиозную церемонию. Начались волнения. В довершение всего Флор потребовал выдать ему полтонны золота из храма. Евреи объединились и под предводительством воинственных зилотов изгнали римлян из Иудеи. Император Нерон счел необходимым послать в Иудею лучшие легионы под командованием лучших полководцев, Веспасиана и Тита, поскольку с такой ситуацией в Иудее римляне еще не сталкивались.

Постепенно римляне вернули почти всю Иудею. Когда Тит подошел к Иерусалиму, окруженному восстановленными стенами, он попробовал договориться с зилотами, чтобы предотвратить резню, неизбежную в противном случае. Тит был влюблен в еврейскую царицу, красавицу Беренику. Она умоляла его пощадить ее любимый город и его упрямых жителей. Чтобы угодить Беренике, Тит согласился отменить осаду при выполнении двух условий: евреи признают римское владычество над Иудеей (которое было уже свершившимся фактом) и обязуются регулярно платить налоги римлянам. Оставшиеся в живых потом, должно быть, сильно жалели, что не приняли предложение Тита, от которого, учитывая заступничество царицы, не следовало отказываться. Налоги составляли главную причину конфликта, – как и всегда при римском владычестве; вероятно, было неизбежно, что и конец Древнего Израиля наступит из-за неуплаты налогов, ибо евреи были величайшими налоговыми уклонистами на протяжении тысячи с лишним лет.

Падение Иерусалима во многих отношениях стало повторением того, что произошло семью столетиями ранее, когда Навуходоносор пленил всех жителей, или даже еще раньше, когда ассирийцы совершили то же самое в Самарии. Во всех этих осадах решающую роль играл недостаток продовольствия, ослаблявший силы защитников. Еврейские историки любят превозносить боевой дух этих людей и указывают, что они «почти победили». Но «почти победить» в битве или войне значит в конечном счете ее проиграть.

⁴⁹ Иосиф Флавий. Иудейская война, II, 16, 4. Пер. М. Филькенберг и А. Вдовиченко.

Менора, семиствольный светильник, используемый евреями во время богослужений, – была среди военных трофеев, которые победители торжественно пронесли по Риму после разрушения Иерусалима.

Зилоты отвергли великодушное предложение Тита. Они верили, что победят, что Бог придет им на помощь, как это уже бывало в прошлом (хотя и не всякий раз). Они проявили величайшее безрассудство и потерпели полный разгром. Тит вернулся в Рим и отпраздновал триумф; до наших дней сохранилась величественная арка, воздвигнутая в память о его победе. Береника приехала в Рим позже.

Части зилотов удалось спастись. Они укрепились в горной крепости Масада неподалеку от Мертвого моря и из этого убежища совершали партизанские нападения на римских сборщиков налогов. Римляне не стали долго терпеть и направили к Масаде одного из лучших военачальников. Два года римляне вели осаду и соорудили огромную насыпь, подходившую к вершине горы (насыпь можно видеть и сейчас). Когда римляне, наконец, ворвались в крепость, они обнаружили, что все ее защитники покончили с собой. Так был подавлен последний оплот сопротивления в войне, после которой еврейское государство в Палестине исчезло почти на две тысячи лет.

Римляне запретили евреям восстанавливать Иерусалим. Большинство принадлежавших евреям земель было роздано римским солдатам, а еврейские земледельцы перешли на положение арендаторов-издольщиков. Те евреи, которым все же оставили землю, платили с нее тяжелые налоги и жили ненамного лучше. Помимо утраты земель и городов, палестинские евреи были обременены новым налогом; он назывался *fi scus judaicus* (еврейская подать) и распространялся на всех евреев в Римской империи. Раньше, как уже говорилось, все взрослые евреи платили полшекеля Иерусалимскому храму; теперь с каждого еврея – мужчины, женщины, ребенка – причитались две драхмы в пользу императора и римского храма Юпитера. Эта сумма была вчетверо больше, чем полшекеля, и если принять во внимание расширенную налоговую базу, включавшую женщин и детей, налог просто душил евреев. Он подготовил почву еще для двух восстаний, поднятых последующими поколениями. Мало того, что налог сам по себе был грабительским; он возмущал религиозное чувство евреев, которые теперь поневоле опла-

чивали идолопоклонство. Поэтому очередное восстание ради свержения налогового ига было только вопросом времени.

С точки зрения подлинных римских интересов это был плохой налог. Дальнейшие восстания серьезно затруднили римскую экспансию и подмочили римскую репутацию непобедимости. Римляне вновь взяли верх, но дорогой ценой, и уже не праздновали триумфов. Походы против парфян пришлось прекратить, и больше они не возобновлялись. С тех самых пор Римская империя прекратила расширяться и начала сжиматься.

Восстание евреев диаспоры 115–117 гг. н. э. охватило огромный район от Ливии и Египта до Месопотамии и доставило римлянам гораздо больше трудностей, чем подавленное Титом иерусалимское восстание. Едва успели утихнуть эти волнения, как уже в самой Иудее вспыхнуло новое восстание под предводительством Бар-Кохбы, длившееся с 132 по 135 г. н. э. После его подавления евреям было запрещено приближаться к Иерусалиму, а за их настроениями с особым тщанием следили многочисленные шпионы. В Вавилонском Талмуде есть история о трех раввинах, беседу которых в 132 г., во время восстания, подслушал римский шпион. Один раввин похвалил римлян за то, что они строят мосты и прекрасные города, другой промолчал, а третий сказал, что римляне делают все это для того, чтобы собирать больше налогов. Первого раввина римляне возвысили, второго изгнали, а третьего казнили⁵⁰.

За 200 с лишним лет евреи четыре раза бросали вызов римлянам и каждый раз не только терпели военное поражение, но и лишались свобод. Каждый раз налоги становились тяжелее, а свободы почти исчезали. В итоге история сражения Давида с Голиафом подошла к концу. На протяжении 18 столетий после финального восстания евреи повсюду терпели гнет, были гонимы, считались людьми третьего сорта и не имели политических прав. Им пришлось, наконец, последовать наставлениям древних пророков.

Со времен налогового террора царей VIII в. до н. э. и вплоть до гибели еврейского государства и рассеяния евреев при римлянах в истории древних израильтян отчетливо прослеживается линия периодически повторявшегося конфликта внутри общества – конфликта, который возникает и в наши дни. У евреев всегда была партия войны и партия мира; каждая из них отстаивала свою политику в международных делах. На партии войны безусловно лежит ответственность за ужасные разгромы, которыми кончалось сопротивление налоговому игу ассирийцев, вавилонян и римлян; но в заслугу этой партии следует поставить свободу и процветание, приобретенные военными успехами восстания Маккавеев. Когда следует сопротивляться угнетению, а когда лучше искать мира – вот главный вопрос тех времен. Но разве не тот же самый вопрос постоянно встает перед странами и народами во все времена, во все эпохи?

⁵⁰ Moses Hadas, «Roman Allusions in Rabbinic Literature», *Philological Quarterly*, 8 (1929), p. 373.

5

Китай, мандат Неба⁵¹

Писаная история Китая насчитывает свыше трех тысяч лет, – столько же, сколько и легендарная. Несомненно, это одна из древнейших мировых цивилизаций. На протяжении большей части истории Китаем управляли авторитарные императоры. При такой форме правления налоговая политика постоянно менялась.

Китайская налоговая мудрость восходит к Конфуцию (500 г. до н. э.). Он создал теорию налогообложения, которая применялась более двух тысяч лет. Не приходится сомневаться, что именно налоговые злоупотребления, длившиеся в течение нескольких веков писаной истории Китая, побудили великого мудреца задуматься о бедах, которые принесло тяжелое налогообложение. Он разработал принципы налоговой справедливости, которые не признавали за императорами свободы действий в налоговой политике. Однако заставить императоров следовать этим принципам могло лишь одно – угроза восстания.

Народ и философы Китая были согласны в том, что должны существовать идеальные нормы правления и налогообложения. Императоры обладали своего рода божественным правом, которое опиралось на повеление Неба. Конфуцианство наметило нормы налоговой политики, которым должны следовать все правители, дабы подтверждать свое право на власть. Если же император злоупотреблял властью и отступал от конфуцианских идеалов, его резко осуждали китайские мудрецы, а самое главное, он терял поддержку Неба, и его тяжелое правление завершалось восстанием: народ должен был подняться, взяться за оружие и свергнуть такого правителя. Революция обозначается китайскими иероглифами, буквально означающими «перемена в небесных порядках». Поскольку китайский император был «Сыном Неба», он, как и египетский фараон, был связан небесными законами, но при этом, в отличие от фараонов и европейских императоров, терял поддержку Неба и приговаривался к смещению, если давал свободу собственному произволу. А последний обычно подразумевал слишком тяжелые налоги, т. е. отход от конфуцианского идеала. Свергая такого императора, повстанцы выполняли волю Неба.

⁵¹ Автор выражает признательность Такеши Нишидзаки, японскому исследователю из Йокогамы, за его работу, которая дала возможность включить в эту книгу главу о налоговой истории Китая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.